

ЮЛИЯ СОЗОНОВА

**КАРКУША, ИЛИ КРАСНАЯ
КЕПКА ДЛЯ ВОЛКА**

Юлия Созонова

**Каркуша, или Красная
кепка для Волка**

«Автор»

2025

Созонова Ю. В.

Каркуша, или Красная кепка для Волка / Ю. В. Созонова —
«Автор», 2025

Ершистая девочка Мира давно поняла: за всё в этой жизни надо платить. За чужую бескорыстную помощь - тем более. Но "золотой" мальчик Эрик не хочет от неё ничего. Разве что просит присмотреть за его пушистой бандой. А как же большое светлое чувство - любовь, спросите вы? А это уже как укажет собачий нос!

© Созонова Ю. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Созонова

Каркуша, или Красная кепка для Волка

Пролог

Череп и его команду на районе знали все.

Точнее не так. Черепкова Анатолия Вячеславович двадцати лет от роду, под два метра ростом, далеко не хрупкой комплекции и натурального бандитского вида по имени отчеству знали единицы. А вот по звучному прозвищу и гремящей по всем дворам репутации – вот тут да, тут его знали все. И весь немаленький район с интеллигентным названием Академический, мягко говоря, парня недолюбливал.

На что самому Черепу с друзьями было глубоко и от всей души начхать. Ну плюют бабки в их сторону шелухой от семечек, ну крестят периодически, от души молясь исключительно матерными словечками, ну алкашня на них зуб точит местная, дворовая интеллигенция косо поглядывает, продувая мелкотне в шахматы и шашки...

Дальше-то что? Всё равно их на большее не хватало, а малышня от brutальных пацанов в коже, с цепями и татухами тащи́лась, как удав по пачке дуста. И уважала, зная, что если Череп кого-то за курением пойма́ет, то уши-то открутит, как нефиг делать. Младших обижать не даст, за попытку помучить животных бездомных леща отвесит, а за распитие спиртного или наркоту какую без зазрения совести сдаст в ментовку.

Тем более, что совесть у всей этой компании отсутствовала как факт их биографии.

Так что да, Череп и его команду знали все. Всем районом искренне недоумевали, почему те ещё не загремели в тюрьму или ещё куда-нибудь, с их-то образом жизни. И то, что Череп к уголовникам имел такое же отношение, как Кобзон к советскому року, народ ни капли не смущало.

Этим жарким июньским днём вся банда зависала на заброшенной детской площадке. И нет, не для того чтобы водку пить и папиросы об качели тушить. По замыслу Череп к середине лета тут должна была образоваться спортивная площадка для этих, рискованных. Чтобы не по гаражам скакали, чудики, а на нормальных снарядах свои трюки отрабатывали. Паркурщики, прознав про такую инициативу грозы района, были всеми частями тела «за», исправно таская доски, мешая бетон и показывая, где и что им установить надо. А парни только шугали мелких, чтобы не хватались за неподъёмные для них материалы, попутно обсуждая, чья очередь пугать оборзевшую гопоту и когда очередной сходняк на концерт группы «Rammstein», приезжавшей с гастрольным туром в столицу необъятной нашей страны.

Сходить на их выступление было святой обязанностью всей банды разом. И идя вечером с площадки по знакомому до боли двору, парни обговаривали детали поездки, когда Череп, слушавший их вполуха и кивавший в стратегически важных местах, вдруг остановился, услышав чей-то плач. Нахмурился, почесал наглухо бритую голову, украшенную татуировкой. И махнул друзьям, чтобы шли без него, сворачивая в сторону одной из пятиэтажек.

Кажется, именно оттуда он слышал эти подозрительные звуки.

И точно. На скамье возле первого подъезда, спрятавшись за разлапистым кустом ещё цветущей сирени, сидела мелкая девчонка, зелёная ещё. Дай бог если шестнадцать лет на вид имеется. В потрёпанных джинсах, светлой блузке и пиджачке, рукавом которого она периодически вытирала нос, громко шмыгая. Копна взъерошенных тёмных волос скрывала её лицо, но по валяющейся рядом бейсболке ярко-красного цвета и рюкзачку, с плюшевым вороном, болтавшимся на ляжке, опознать плаксу удалось без труда.

– Мирка, ты чего? – присев перед девчонкой на корточки, Череп дёрнул её за прядь волос, привлекая внимания. – Обидел, что ли, кто? Так ты пальцем ткни, мы ему живо ласты с граблями местами поменяем. Или мать опять чудит? Может это... Доку звякнуть? Чтоб на скорой в больничку уволокли, а?

Девушка только носом громче шмыгнула, уткнувшись лицом в ладони. Рядом с ней на скамейке, прижатые тем самым рюкзачком, валялись какие-то бумажки, справки и новенькая трудовая книжка на имя Вороновой Мирославы Артёмовны, плюхнувшаяся прямо под ноги ни чёрта лысого не понимающего парню.

Тот поглядел на неё, пошкрябал затылок и снова позвал:

– Ми-и-ир? Воронёнок, чего случилось-то?!

– Мать в дурку забрали, – наконец выдавила из себя девушка, подняв на своего вредного соседа по дому заплаканные, больные серые глаза. Вытерла нос рукавом пиджака и усмехнулась криво. – С концами. Уже подали в суд на лишение родительских прав. Даньку под опеку отдавать хотят. Я две недели носилась как угорелая, справки собирала, работу искала, дом драила... Ты ж знаешь, нельзя его в интернат, нельзя! Это считай, то же самое, что заживо похоронить! А они... – тут девчонка снова разревелась, глотая слёзы и давясь всхлипами. – Они... Сказали, чтоб я восемьдесят тысяч им притащила. Тогда они только подумают над тем, чтобы брата мне под опеку оставить, понимаешь? Подумают! И скажут, сколько надо будет доплатить, в случае положительного решения!

– Э... Ну восемьдесят штук собрать не проблемно... – Череп, вечно живший под вопросом, где достать средства на воплощение всех своих мечтаний, примерно представлял, как и у кого можно раздобыть такую сумму.

И уже собрался начать обзванивать потенциальных спонсоров, когда Мирка горько расмеялась:

– Долларов, Толь. Не рублей, долларов. В рублях я и сама бы нашла способ выкрутиться. Да хоть бы кредит тот же взяла и хрен на них, на проценты эти. Но какой му... дурак даст мне за просто так такую сумму в валюте?! Не на трассу же идти, вставать... Тем более, кто на такую-то позарится?

Прилетевший подзатыльник заставил её ойкнуть и схватиться за голову, обиженно глядя на хмурящегося парня. Череп же о сделанном не жалел совершенно. А если бы не боялся зашибить ненароком, ещё бы отвесил, дабы выбить все дурные мысли из этой головы. Не, он Мирку-то прекрасно понимал, изнутри так сказать прочувствовал все прелести жизни в её долбанутой на всю голову семейке. Причём местами долбанутой-то не в фигуральном, а вполне себе натуральном смысле. И лучше всех знал, что за брата малая на всё пойдёт, положив на мнение общественности большой такой огородный хрен, вроде тех, которыми его бабка шпану со своего участка гоняла.

Если её не тормознуть вовремя и не дать наделать глупостей, конечно же. А то, зная Мирку, проблемы потом начнут увеличиваться в той самой, никак не дававшейся Черепу геометрической прогрессии, чтоб математичке с её логарифмами икалось на старости лет!

– Я не знаю, что делать, Толь... – наконец, прошептала Мирка, сжимаясь на скамейке в комок, обхватив себя руками за плечи. И ведь не скажешь, глядя на эту козявку, что ей девятнадцать стукнуло! В магазине вон, паспорт до сих пор спрашивают при каждом удобном случае! – Ну не квартиру ж продавать, в самом деле, а? Где мы с Данькой тогда жить-то будем?

Череп вздохнул, вытаскивая из кармана стратегический запас никотина и помял в пальцах выуженную из полупустой пачки сигарету. Помял, растрепал в пальцах, да и выкинул в урну, поднимаясь и засовывая пальцы в карманы джинсов.

– Херня война, Воронёнок. Главное манёвры! Сопли вытирай и за мной. Будем думать, как решить твою проблему.

– В долг у тебя не возьму, – тут же нахохлилась девчонка, больше смахивающая на мелкого, настырного и чересчур гордого воробья, чем на благородного ворона.

Череп, глядя на упрямо поджатые губы и кулачки, только фыркнул, сощурившись, и потрепал малявку по волосам. Ну и что, что он её всего-то на полтора года старше? Для него Мирка как была маленькой, так такой и осталась. Вечная заноза в энном месте, болтливая порою до невозможности и на язык ещё острая, палец в рот не клади.

Вот только положиться ей не на кого, помощи просить не у кого, да и не любит она в должниках числиться. Характер, что уж там!

– Толь, я серьёзно, – ещё больше напыжилась Мирослава, мотнув головой. – У кого угодно возьму, но не у тебя.

– Дура ты Мирка. Умная ведь девчонка, отличница, а всё равно – дурында дурындой, – хмыкнув, Череп потянулся и махнул рукой. – Пошли, знаю я, кто тебе помочь может.

– Сам ты дурында, – обиженно засопела девушка.

– Пошли, говорю!

Череп и его команду на районе знали все. Но мало кто из местных жителей догадывался, каким странным образом могут быть связаны дознаватель из местного отделения полиции Созинов и самый страшный бандит во всём Академическом. А если бы знали, то не поверили бы!

Зря, в общем-то. Сотрудники правоохранительных органов тоже люди. И старший лейтенант Созимов Вячеслав Сергеевич исключением не был, обзаведясь в своё время супругой и детьми. А то, что у жены любимой ещё и сын имелся, так это бравого полицейского не испугало и воспитанием одного он занимался не менее тщательно, чем за своими собственными следил.

– Батя, к тебе можно? – постучав в дверь, Череп заглянул внутрь, тут же присмирив под холодным взглядом серых глаз отчима. Разом растеряв и пыл, и задор, и припоминая, какие грехи за его душой водиться могли в последнее время.

Вячеслав Сергеевич оглядев пасынка с ног до головы, и увидев заплаканную девушку за его широкой спиной, кивком головы пригласил парочку в кабинет, возвращаясь к прерванному телефонному разговору. Мирка притулилась на стуле для посетителей, стоявшем сбоку от стола и порывалась то и дело сбежать.

Но Череп, зная, на что она способна, стоял рядом, цыкая время от времени на нервничающую девушку. Наконец, Вячеслав Сергеевич закончил говорить, повесил трубку и выдал всего одно слово:

– Ну?

Толя от неожиданности и тона, каким прозвучал вопрос, чуть не подпрыгнул. Благо вовремя одумался, сохранив и нервы, и репутацию. После чего кратко ввёл родителя в курс дела. Речь, правда, была переполнена красочными метафорами, местами заменяемыми не менее красноречивым молчанием. Материться Череп умел, но за нецензурщину мог огрести от отчима по ушам. И не посмотрел бы тот ни на возраст, ни на степень их родства, ни на наличие свидетелей.

– Вот такие дела, батя... – наконец, выдохнул парень. И руками развёл. – Сам понимаешь, деньги взять неоткуда, а пацан в интернате загнется, как нефиг делать. Ты же видел его, о нём там никто так, как Мирка, заботиться не будет. Бросят на постель, и лежи себе, доживай свой век.

– Вот как... – задумчиво постучав кончиком карандаша по папке с бумагами на столе, Вячеслав Сергеевич ещё раз глянул сначала на съёжившуюся под его взглядом девчонку, потом на здоровенного лба у неё за спиной. И коротко кивнул собственным мыслям. – Ладно, посмотрим, что можно сделать. А теперь брысь отсюда, оба. Документы оставьте и чтоб я вас не видел.

– Так точно, – подхватив опешившую Мирославу под локоть, Череп потащил её на выход, гаркнув напоследок. – Спасибо, батя!

И дверью хлопнул до того, как родитель выдал бы ему ещё пару ценных указаний.

Да, Черепа на районе знали, уважали и откровенно боялись. За спиной его с друзьями поносили, как могли. А уж когда после этой встречи одним июньским днём к ним примкнула шустрая, мелкая девчонка в неизменной красной бейсболке, по прозвищу Воронёнок, слухи пошли по всему Академическому такие, что на ребятах клеймо ставить негде было, коли верить им.

Только банде на это было глубокомысленно начхать. Тем более, для Мирославы Череп с сотоварищами оказался куда ближе, чем все интеллигентные кумушки со двора. Да и на помощь тогда пришли именно они, эти самые бандюганы и зло всего района, дав возможность сохранить самое дорогое, что у неё было – её семью.

А это, по мнению Вороновой, значило куда больше, чем пресловутое общественное мнение. Тем более, если это мнение тех, кого в принципе никто и не спрашивал-то.

Глава 1

Я девочка умная, знаю, когда промолчать...

Знаю, зараза, знаю, но не могу!

– Я ворона, я ворона... На-на-на! Я ворона, я ворона... На-на-на! – напевая известный хит отечественной певицы Линды, по выложенной плитками площадке перед университетом прыгала худенькая, мелкая девчонка, в неизменной красной кепке, джинсах и мешковатом свитере. На скептические взгляды прохожих она не обращала внимания, задумавшись о чём-то своём.

Прыгала себе и прыгала бы дальше, если бы не вопль души, раздавшийся от центральных дверей высшего учебного заведения сомнительной репутации и содержания:

– Воронова! В деканат, живо!

Я на это заявление чуть не запнулась о кусок арматуры, торчавший посреди тротуара. Но вздохнув, пожалала плечами, подтянула сползавшие с плеч лямки рюкзака и направилась в указанном направлении. Попутно пытаюсь вспомнить, а где это моя скромная, неказистая персона провиниться успела, чтобы попасть на ковёр к великому и страшному декану всея факультета в понедельник, да с утра пораньше?

Студсовет дышал на ладан, но работал, зачёты и хвосты я подчистила, в нарушениях режима в последнее время замечена не была, пропуски отработала, конфликты не устраивала...

Прям вопрос дня, на кой хвост понадобилась я Станиславу Григорьевичу Вязьме, да в таком срочном порядке! Жаль только, вопрос-то сугубо риторический, про себя заданный и благополучно забытый. Потому как неисповедимы пути логики декана нашего, ох неисповедимы...

Поправив любимую бейсболку, я обогнула турникет, помахала ручкой вахтёрам и пробормотала себе под нос, сливаясь с алчной, местами, до знаний толпой:

– Фигня война, главное манёвры... Прорвёмся, а где не прорвёмся, там поскользнёмся, а где не поскользнёмся... Так, а ну пропустите главу студсовета, пока она вам занятий лишних не придумала, несчастий не накаркала и вообще, вас не заметила!

– Каркуша!

– А что Каркуша-то сразу?! И вообще, кому Каркуша, а кому Мирослава Батьковна Воронова!

И так далее, и тому подобное, и в том же направлении, на всём пути моего следования. Первый этаж я преодолела без особого труда, протиснувшись сквозь толпу студентов и изрядно подпортив если не жизнь, то настроение как минимум пяти из них. Затормозила у лестницы, перевела дух и, перепрыгивая через две ступеньки, добралась до третьего, привычно огрызаясь, отшучиваясь и обижаясь на колкие замечания в собственный адрес.

А вот на родном факультетском этаже я задержалась на целых пять минут у красочного, расписанного под хохлому информационного стенда. Очередной шедевр этих, прости господи душу их грешную, художников вызывал когнитивный диссонанс и ставил под сомнение наличие хотя бы подобия вкуса у этих тварюг. Так, что, оглядев красоту неописанную, я икнула, сделала мысленную пометку прибить оформителя к чёртовой бабушке и не реанимировать до ближайшего полнолуния, помянула недобрым словом всех, кто причастен к этому рисунку и со вздохом поплелась в сторону деканата.

Про себя наивно надеясь, что дёрнули меня не по данному красочному поводу, а то у меня даже относительно правдивой легенды по его появлению не подготовлено.

В небольшом закутке, возле богато украшенной двери, рядом с расписанием и доской почёта, проливались реки слёз, разбивались тысячи надежды и шли прахом сотни амбиций.

Рушились юные судьбы и собирались тонны материала для десятков томов уголовных дел о коррупции в сфере образования. А ещё обитал здесь зверь невиданный, лютый, опасный и гадкий, по имени Станислав Григорьевич, по должности – декан финансово-экономического факультета в нашем славном учебном заведении.

Страшные чёрные буквы на золотой табличке приводили в страх и трепет всех, начиная от студентов с первого по пятый курс включительно, заканчивая уборщицей, Клавдией Михайловной Кулябиной, физиком-математиком по образованию. Так что не было ничего удивительного в том, что на каждого входящего в деканат смотрели, как на жертвенную курицу, распятую на алтаре.

Ещё б перекрестили на дорожку, для полноты картины, ага...

Сморщив нос, показала язык тусившей у окна гоп-компании из расфуфыренных девиц со страшно красивым маникюром (тут ключевое слово «страшно»). И, вспомнив о том, что мне вроде как знакомо такое понятие как вежливость, прежде, чем распахнуть дверь с ноги, всё-таки постучалась. И тут же ойкнула, когда меня втащили в приёмную, цепко держа за ухо сильными пальцами.

– Явилась, Воронова... – зверское выражение лица куратора не сулило ничего хорошего в обозримом будущем. А уж когда он поднял руку вверх, крутя и без того горевшее ухо, в душе появилась подлое желание сознаться во всём, что угодно...

Лишь бы ухо отпустил, изверг!

– Олег Евгеньевич, не виноватая я! А в чём виновата, то не я была!

– С этим мы разберёмся позже, – задушевно пообещал мужчина, продолжая держать меня за бедный орган слуха. – А пока, как ну духу... Что натворить успела, где провинилась, как засветилась... И почему меня с тобой вместе вызвали, а?!

И крутанув моё бедное ухо ещё пару раз, он соизволил-таки отпустить меня на волю. Ещё и отступил на шаг, скрестив руки на груди, постукивая ногой по шикарному, дорогому ковру в приёмной. Видимо, пытаюсь тем самым побудить мою совесть к сотрудничеству.

Сомнительный способ поднятия трупа, как по мне.

– А я знаю, что ли?! – показательно громко шмыгнув носом, я потёрла пострадавшую часть тела. И буркнула, кося недовольным взглядом на развоевавшегося раньше времени куратора. – И вообще. Поклёп это всё, клеветы завидующих и доносы крепостных, уважаемый товарищ куратор! Я в этом семестре была тиха, как та самая украинская ночь, превзойдя себя и всех штрафников нашего курса разом! В неприятности не лезла, сама их не создавала, приключений не искала... И не нашла, если что. Врагов новых не нажила, старых не изжила... И, о чудо, все проекты, контрольные и курсовые сдать вовремя умудрилась, вот!

– Договорись ты, когда-нибудь, Мирка, ох, договорись...

– Вот обещаете вы, Олег Евгеньевич, всё обещаете... А результат где? А нет результата!

– Воронова!

– А чего Воронова-то сразу? Что, у нас в группе других интересных фамилий нету?

– Ты...

Почти что хвалебную оду в мой скромный адрес оборвало появление секретаря учебной части. Тётка неопределённого возраста, с самой обычной внешностью, в сером деловом костюме и с постным выражением лица напоминала бульдога. Как по хватке, так и по манере общения. Она-то и сообщила нам, что Станислав Григорьевич изволит ожидать, когда ж мы закончим этот детский сад и пройдем в его кабинет.

Последнее, правда, вслух всё-таки не прозвучало, но дама так выразительно глянула, что я с трудом удержалась от банального желания в реверансе присесть. И прощения попросить, на всякий случай, так сказать.

Погрозив мне кулаком и поправив сбившийся галстук, первым на эшафот отправился куратор. Пробормотав себе под нос что-то о том, что горбатого только могилка исправит, и то

не факт. И что слишком стар он для таких приключений, слишком стар. Я же, тихо фыркнув, и стащив кепку с головы, прошла следом минуты через две, не удержавшись и показав язык в спину Олегу Евгеньевичу. Порог кабинета декана переступила, дверку за собой осторожно прикрыла, успев в который раз подивиться роскошному убранству логова злобного чудища всея факультета...

И по стеночке отошла в сторону, пристроившись рядом с кулером, как можно ближе к выходу, и крепко прижимая к груди свой неизменный рюкзак со стратегическим запасом валерьянки, блокнотов и нетбуком. Мало ли, что декану в голову прийти может, фантазия-то буйная...

Честно говоря, царь и бог нашего факультета личностью был очень незаурядной и занятой даже на первый взгляд, не говоря уж о втором. Станислав Григорьевич Вязьма представлял собой мужчину хорошо за пятьдесят, в потёртом костюме благородного коричневого цвета, сверкая небольшой залысиной на затылке. У него отдышка, круглые очки в роговой оправе и приевшаяся всем и вся привычка вспоминать советские времена. И, видимо, из-за непреходящей тоски по прошлому, его кабинет обставлен исключительно в духе того периода.

Кожаный диван, массивный стол, неудобные кресла для посетителей, строгие, наглухо закрытые шкафы и красное трудовое знамя за спиной владельца помещения. Где товарищ декан сумел его раздобыть, так и осталось тайной за семью печатями. Как, собственно, и происхождение бронзового бюстика Владимира Ильича Ленина, занявшего почётное место на столе Станислава Григорьевича.

Глядя на всю эту красоту, так и хотелось сесть у костра и исполнить «Пионерскую зорьку». И пофиг, что знаю я всего три аккорда, и те – дворовый аккомпанемент для исполнения культовой мелодии из фильма «Крёстный отец», да для посиделок под «Короля и Шута».

– Кхм... Одну минуту, товарищи, – поправив очки и смерив нас тяжёлым взглядом, господин Вязьма отложил в сторону документы. И перебрав пару стопок бумаг, высившихся перед ним, вытащил на свет божий аляповатую афишу.

Я сощурилась и вытянула шею, пытаюсь разглядеть, что на ней. Но в виду небольшого роста и скромной комплекции, потерпела неудачу. После чего засопела недовольно, переминаясь с ноги на ногу и чуть ли не подпрыгивая от любопытства. Декан же, как назло медлил, сверяясь с какими-то документами, протирая очки и собираясь с мыслями. И непонятно, то ли он решает, как причину вызова озвучить...

То ли думает, как бы так деликатнее изложить, где я лично провиниться успела, от чего мне предстоит отбрыкиваться, и каким образом в этом замешан наш непосредственный куратор! Тьфу-тьфу, чтоб не накаркать...

– Значится так... – снова поправив очки, Станислав Григорьевич положил яркую афишу перед собой и сложил руки домиком, глядя на нас. – Олег Евгеньевич, рад, что вы нашли время зайти ко мне. И очень, просто очень хорошо, что вы захватили с собой студентку Воронову. Главе студсовета эта информация интересна в первую очередь... – выдержав многозначительную паузу, во время которой я лично успела перевести дух, сообразив, что отчитывать меня не собираются, декан продолжил. – Министерство образования нашей области проводит конкурс талантов среди высших учебных заведений. Естественно, сначала всё проводится на уровне муниципалитета, затем областной уровень и уже потом федеральный. И нам очень настойчиво рекомендовали принять участие в этом мероприятии. Конечно... – тут Станислав Григорьевич недовольно поморщился. – Фонд призовой тут не ахти какой, но зато поднимем рейтинг родного вуза, а это уже не так уж и мало. Участвовать будут две команды, от двух самых крупных факультетов нашего учреждения – финансово-экономического и социально-гуманитарного, с первого по пятый курс включительно. Вам, Олег Евгеньевич, я поручаю курировать этот вопрос на протяжении всего периода. А вам, студентка Воронова... – я инстинктивно постаралась прикинуться предметом обстановки, зажмурившись и вжавшись спиной в стенку.

Однако, тихое шипение куратора вынудило открыть один глаз и вздохнуть, признавая поражение, под скептическим взглядом декана. – А вам, Воронова, поручается придумать и организовать номера для конкурса. Декорации, техническое сопровождение и что там ещё понадобится может? Так вот, всё это под вашу непосредственную ответственность, как главы нашего студенческого совета. Задача ясна?

Я на это только кивнуть сумела, всё ещё не до конца осознавая масштаб свалившихся на меня неприятностей. А господин Вязьма только довольно головой покачал, делая какие-то пометки в своём ежедневнике. И выдал:

– Тогда можете быть свободны. Срок на подготовку номеров два месяца. И смотрите, что бы руководству нашего вуза не было за вас стыдно. Я понятно выразился, Воронова?

– А чего Воронова-то сразу? – ляпнула до того, как сообразила, что и кому говорю. И покосившись на изобразившего традиционный жест «рука-лицо» куратора, добавила, уставившись в пол и ковыряя носком кед толстый ковёр на полу. – Будем стараться, Станислав Григорьевич. Разрешите исполнять?

– Можете идти, Воронова, – благосклонно покивал головой декан, на которого я всё же осмелилась бросить взгляд из-за чёлки. И взяв какую-то бумажку из рядом лежащей стопки, сосредоточил всё своё внимание на нашем кураторе. – Олег Евгеньевич, а вот вы задержитесь. Есть пара вопросов, требующих немедленного решения. Мне тут поступила жалоба от преподавателя экономики насчёт одного вашего студента... Жарков, кажется? Не желаете объяснить его поведение?

– Станислав Григорьевич, если речь идёт о том, о чём я думаю, то...

Сочувственно поглазев на бедного куратора, вынужденного в который раз огрести за нашего боксёра-дуболома, я бочком-бочком добралась до двери. И, открыв её, выскользнула в приёмную, осторожно притворив за собой. После чего, прислонившись к ней спиной, пробормотала себе под нос:

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться... Бр-р-р, прям как на допросе у гестапо, не иначе.

И проигнорировав недовольный взгляд секретаря, сидевшего за своим столом как Цербер у врат царства Аида, поспешила покинуть такой гостеприимный кабинет. Пока меня ещё чем-нибудь не обрадовали и дополнительных поручений не выдали.

– Воронова, что, отчислили?! Да быть того не может! – радостный вопль одноклассника поприветствовал меня сразу за дверью деканата. Лишь чудом говорливый товарищ не получил по лбу, успев отскочить в сторону.

– Не дождёшься, Стас! Если и отчислят, то только вместе с тобой, – показав языкастому рыжему средний палец, я принялась пробираться в сторону отведённой под нужды студсовета комнаты, находившейся где-то между кабинетом методиста по очно-заочному отделению и туалетом в конце коридора. Попутно осознавая всю глубину той ямы, куда меня с воплем «Это наш вуз!» пнул в спину товарищ декан.

А подумать было о чём! Уважаемый Станислав Григорьевич вслух-то не уточнял, но по выразительному взгляду и ёжику было понятно, что задача минимум не только постановку номеров организовать, но и занять хотя бы второе место. Что, зная ленивую задницу всего нашего факультета, мягко говоря, проблематично. Тут на турслёт-то загнать не получается, что уж про какую-то культурно-массовую программу говорить?!

Можно даже не спрашивать, а сразу пойти в библиотеку за тем приснопамятным вторым, дополненным томом энциклопедии бранной лексики. Думаю, там найдётся десятки два эпитетов, которыми меня покроют сокурсники, за попытку привлечь их к общественной жизни вуза.

Родной закуток, гордо именуемый кабинетом, встретил привычно заевшим замком. Который я давно научилась открывать с пинка, приходившегося аккуратно в нижний левый угол дверного полотна. Распахнув хлипкую конструкцию, по недоразумению названную дверью, я щёлкнула выключателем и скрылась в недрах своего логова, пропахшего нафталином и клеем.

На всякий случай, закрывшись на щеколду изнутри, собираясь обдумать поступившее предложение сверху...

И, что уж тут греха таить, с паническими воплями побегать по кругу, задаваясь вопросом, что делать и как быть! Авось умная мысль соизволит посетить мою бедовую голову.

Помещение два метра на восемь освещало три лампы, одна из которых постоянно мигала. Здесь с одной стороны теснились потрёпанные шкафы, забитые самым разнообразным хламом, начиная от париков для образов века так восемнадцатого, заканчивая искусственной шкурой мамонта, для роли пещерного человека. С другой стояли старые парты, образуя подобие стола для переговоров, представляя собой настоящий образчик наскальной живописи нескольких поколений студентов нашего факультета. У одного из двух окон, закрытых блёклыми жалюзи, притулился компьютерный стол с потрёпанным ноутбуком, вечно зависавшим в самый неподходящий момент, и проектором.

Этот представитель технических средств обучения явно знал лучшие времена своей недолгой жизни и корыстно использовался мною в качестве личного, домашнего кинопроектора. Всё равно тут кроме меня никто на постоянной основе не бывает. А корпя вечерами над очередным важным делом можно сойти с ума сидя в тишине.

– Наше вам, с кисточкой, – вздохнув, я бросила рюкзак на ближайшую парту и приземлилась на единственный скрипучий стул у окна, закину ноги на стол. Вздохнула и посетовала, глядя на потрескавшуюся штукатурку на потолке. – И где ж мне так свезло-то по жизни, чтобы так-то отдуваться...

Вопрос был риторический и пояснений не требовал. Так что, посидев так ещё минуты три, я снова вздохнула. И разразилась обличительной речью в адрес авторитарного декана, думавшего только о рейтинге учреждения вообще и факультета в частности, промолчавшего снова куратора и собственного инстинкта самосохранения, шлявшегося непонятно где в тот самый момент, когда я соглашалась на вакантную должность почётного козла отпущения. Почему-то называвшуюся «глава студенческого совета» и имевшую туеву кучу обязанностей и почти никаких прав и привилегий.

Впрочем, последнее было исключительно бессмысленным сотрясанием воздуха. Уж где были мои мозги вместе с тем самым инстинктом, я прекрасно знала, когда подписывалась на всё это. Мне нужен был свободный график посещений, пара предпочтений от администрации и возможность сдавать зачёты и экзамены вне очереди или с другим потоком. И то, что просто так мне этого никто не позволит, тоже было понятно сразу.

Увы, за всё надо платить. Да и потом, как говорит мой обожаемый сосед: «Херня война, главное манёвры!».

– Эх, жизнь моя жестянка, да ну её в бо-ло-о-о-то! – пропела я, потянувшись и крутанувшись на стуле вокруг своей оси. После чего открыла ноутбук, включила надсадно загудевший компьютер и подгрузила базу данных студентов нашего факультета, выменянную у методиста в обмен на коробку конфет с коньяком. И, дождавшись открытия файла, принялась выбирать будущих жертв моего произвола, просто-таки горевших желанием участвовать в конкурсе самодеятельности.

О том, как я буду переживать волну бурных восторгов и не менее ярких благодарностей со стороны сотоварищей, я благоразумно старалась не задумываться. Воображение у меня под стать фантазии, мало ли какие картинки кровавой расправы над моей несчастной личностью придумает!

Тихо фыркнув и дёрнув плечом, я забралась с ногами на стул и принялась крутить открывшуюся моему взору электронную таблицу. Информация, хранившаяся в ней, попадала напрямую под нарушение закона о персональных данных. А ещё помогала без особого труда набрать коллекцию из пяти душ, имевших несколько хвостов, пару канувших в лета курсовиков и, что немаловажно, готовых на любой кипиш, кроме голодовки.

Лишь бы не на ковёр в деканат и не на вылет из вуза. Их-то я и выписала на косо оборванный тетрадный лист, время от времени покусывая кончик карандаша и шурясь на монитор. Почесала затылок, склонив голову набок, и обречённо протянула:

– Чует моя печень, мы на пороге грандиозного шухера... И вопрос теперь только один, как заставить сию шайку-лейку работать в нужном мне направлении?

Вопрос был далеко не праздный. Эти пять потенциальных звёзд студенческой самостоятельности отличались умом и сообразительностью. Вот только не там, где надо, и не тогда, когда надо. А уж о том, как некоторые из этих личностей могут, умеют и практикуют самые различные способы ухода от ответственности, вообще в пору легенды слагать. И не всегда цензурные, к слову.

– Итак, что мы имеем? – закрепив листок на дверце стоящего рядом шкафа канцелярской кнопкой, я ещё раз крутанулась на кресле, прежде чем откинуться на спинку одного и заложить руки за голову. – А имеем мы то, что нас... Ну не будем о грустном, конкурс ещё не состоялся, мы ещё не пролетели и декан ещё не в курсе, кто регулярно тырит у него из шкафа конфеты и печенки. Поэтому шанс избежать прискорбной участи пока что есть. Мизерный, но, всё же он есть. А значит... – хмыкнув, я подёрнула кончик пряди волос, выбившейся из хвоста, и обречённо протянула. – Пофиг, пляшем. Ну, или как говорят великие эстеты: «Пренебречь, вальсируем!» Где там у меня расписание на этот семестр благородно валяться изволило?

Распечатка занятий по группам, подгруппам и курсам нашлась под горой набросков, оставленных тут художниками до лучших времён. Смахнув их с чистой совестью на пол, я выудила нужную мне папку и принялась листать, сверяясь с собственным списком и делая пометки напротив каждой фамилии.

Студент Жарков, тот самый почти кандидат в мастера спорта по дворовому боксу, сегодня должен был объявиться на праве, во втором учебном корпусе и двести сорок пятой аудитории. Коли верить учебному плану, сегодня у всей моей группы был зачёт, а значит, этот представитель хомо сапиенс явит свой светлый лик преподавателю. Если не хочет вылететь из института как пробка из бутылки с шампанским.

– Один есть, а ещё есть наш дядя Саша и Натулька, претендующая на звание королевы всея факультета, – хмыкнула, припоминая, какие взгляды на меня кидала эта особа. Там же прохлаждается наш обожаемый староста Сашенька и та девица, с вечными страданиями по красивой жизни и не менее красивым мальчикам.

Тихо фыркнула, сдувая с носа прядь волос. Никогда не понимала все эти томные взгляды, вздохи и охи, а ещё вечную манеру малевать лицо так, словно в любой момент вас могут пригласить на бал при императорском дворе. При гордом росте метр шестьдесят пять, худощем телосложении и остром подбородке, с копной тёмных, вечно взъерошенных волос, я среди цветника всего факультета смотрелась, мягко говоря, странно. Косметику не любила, одевалась, как мальчишка, вела себя соответственно, носила тёмные толстовки и никогда не расставалась с любимой красной бейсболкой с логотипом известной хоккейной команды. Ко всему этому еще прилагался противный характер, постоянная болтовня, обязанности главы студенческого совета и прожжённый фатализм, помноженный на фантастическое умение ляпнуть что-нибудь не там, не тем и не туда, навлекая беду на окружающих.

Ничего удивительного, что любили меня студенты выборочно, далеко не всегда и только тогда, когда мои сольные выступления несли пользу для них, а не для меня или руководства вуза. И я уже предвкушала, какими радостными будут лица моих одноклассников, моей скромной волей оказавшихся втянутыми в студенческую самостоятельность. Лишь бы сразу не прибили и не придали анафеме на месте, за такие новости!

Звонок телефона выдернул меня из задумчивости, оторвав от созерцания расписания занятий. Запнувшись о валявшиеся на полу коробки, я чуть не свалилась, приложилась коленом о парту и, прыгая на одной ноге, добралась-таки до рюкзака. Чтобы рухнуть животом на

него, выудив из кармашка потрёпанный телефон, видевший лучшие времена явно ещё до моего рождения.

– Внимательно, – выдохнула, нажав кнопку приёма вызова и пихнув локтём ещё одну стопку набросков. К художникам за один только день накопилось столько претензий, что лучше бы им не попадаться мне на глаза ближайшие пару дней.

Не то чтобы я со своей комплекцией могу их зашибить ненароком, нет. Этих оленей, чтоб на них радиатор отопления кто-нибудь скинул, и в голодный год палкой не переломаешь, а мои справедливые возмущённые вопли они научились стойко игнорировать. Но я ж работать заставляю, их шедевры перерисовывать по десять раз, а вот это для них действительно самая настоящая пытка!

– Мирослава? Добрый день, это вас Екатерина Петровна беспокоит, – мягкий голос моего непосредственного начальника, администратора кафе недалеко от центра города, звучал до невозможного официально. И наводил на не самые приятные мысли.

– Здравствуйте, что-то случилось? – настороженно переспросила, краем глаза отметив, как кто-то попытался дёрнуть дверь.

Щеколда дрогнула, но выдержала, сохранив мне хоть какое-то подобие уединения. Незванный гость ругнулся голосом Олега Евгеньевича, пообещал мне кары небесные, если я не объявлюсь в ближайшие пять минут и удалился дальше по коридору. К моей вящей радости, потому как второй попытки проникновения дверь бы уже не вынесла, открыв нашему замечательному куратору шикарный вид на мою пятую точку.

Она у меня, конечно, довольно симпатичная, да и джинсы, в кои-то веки не висели мешком на бёдрах, но всё-таки!

– Мирослава, понимаете, в чём дело... – женщина взяла небольшую паузу, заполненную насквозь фальшивым сожалением, прежде чем продолжить. – Но мы вынуждены вас уволить. Наш директор после проверки финансовых документов, решил провести оптимизацию штатов. Под сокращение попали несколько официантов и бармен. Жаль, конечно, с вами расставаться, разрушать слаженный, сработавшийся коллектив, но это решение директора. Вы же понимаете, я не имею права его оспаривать.

– Угу, – медленно протянула, пытаясь переварить полученную новость. Мозги соображать отказались, всё ещё не отойдя от задания декана. Но где-то в глубине души уже поднимались первые зародыши той самой, пресловутой женской паники, так удачно задавленные после похода в деканат одним усилием воли. – То есть... Совсем сократить, да?

– К сожалению, да, Мирослава, – снова притворный вздох и полный никому не нужного сочувствия тон. – Вашу трудовую мы перешлём вам по почте. Расчёт переведут на карту сегодня вечером. И я всё же надеюсь, что вы не будете держать на нас зла. Всего хорошего, Мирослава. Приятно было с вами работать.

– Но...

Гудки в трубке раздалась до того, как я успела хоть что-то возразить. И глядя обалдевшим взглядом на замолчавший телефон, я минуты три переваривала полученную информацию. А потом застонала и приложилась лбом об стол. Потом ещё раз. И ещё. Пока в ушах не зашумело, а из глаз искры не посыпались. Только тогда моё скромное кошмарство всея студентов соизволило выпрямиться и поинтересоваться у высших сил громким злым шёпотом:

– И где ж на моей улице перевернулось столько счастья, чтоб я сейчас так за него огребала, а?! Какого... Пьяного крокодила этот недобрый понедельник так недобро начаться изволил?! Да чтоб...

Сжав кулаки, крепко зажмурилась и пнула со всей дури парту. Ногу обожгло болью, и следующие минут пять я прыгала по своему кабинету, кляня всё и вся, что только на глаза попало. Толку от этого было ноль и минус бесконечность, зато на душе полегчало. Да и жажды

крови заметно поубавилось, так что, тряхнув ногой ещё пару раз, я остановилась посреди комнаты и глубоко вздохнула.

– Та-а-ак, – взъерошив волосы на затылке, я дохромала до шкафа и содрала с него несчастный листок со списком смертников. – Будем решать проблемы по мере их поступления. Поистерили, мебель попинали, адреналина заработали, всё, пойдём радовать массы своей счастливо физиономией. И не приведи господи, кто-то из них что-то вякнет против моего решения... Ух, я им!

Что, кому и как озвучивать не стала, прекрасно помня о том, что звукоизоляция в нашем корпусе, конкретно на нашем факультете оставляла желать лучшего. В иные дни, да при отсутствии основной массы страдающих бездельем студентов, тут можно услышать, о чём шепчутся преподаватели в деканате за чашкой кофе с коньяком. А если принюхаться, так ещё и определить, какого качества алкоголь эти великие умы педагогики потребляют...

– Херня война, главное манёвры, – пробормотала себе под нос, натягивая кепку и закидывая рюкзак на плечо. Дёрнула лямки, поправляя своё хранилище ценных предметов и решительным шагом направилась к выходу, с силой хлопнув дверью так, что чуть не получила по макушке куском штукатурки, отвалившейся с потолка.

Мрачно глянула на эту оказию, чудом не ставшую причиной моей скоропостижной кончины и, воровато оглянувшись, носком кед отпихнула её в угол. После чего повела носом, поспешив скрыться с места преступления. Меня ждал второй корпус, двести сорок пятая аудитория и трое из невольных добровольцев для участия в конкурсе самодеятельности.

И я буду не я, если они сумеют как-то увильнуть от него!

Внутренний двор встретил меня ярким, совсем ещё летним солнцем и промозглым, пробирающим до костей сентябрьским ветром. Подняв воротник толстовки, я помянула недобрым словом свою забывчивость и куртку, оставленную в кабинете. Огляделась по сторонам, мрачно глянула на ярко-голубое небо и, вжав голову в плечи, отправилась по дорожке в сторону трехэтажного здания, противного тёмно-коричневого цвета. Перепрыгивая через лужи, обгоняя лениво прогуливающихся по территории студентов и по счастливой случайности не сбивая с ног никого из преподавателей.

Прецеденты имели место быть и обычно заканчивались очередным визитом на ковёр сначала к куратору, потом к декану. И как бы я ни симпатизировала Олегу Евгеньевичу, как бы ни оценивала его возраст, степень привлекательности и ум, но дважды на одни и те же грабли даже я не наступаю.

К тому же, неизвестно какие ещё умные и безнадёжно светлые мысли придут в голову господина Вязьмы, при виде главу студсовета. Он-то озвучит, остальные поддержат и поаплодируют, а исполнять-то кому?

Так что через лужи я прыгала очень осторожно, без риска и старательно огибая всех представителей преподавательского состава, попадавших мне навстречу. В итоге я окончательно продрогла и заледенела, промочила кеды и ударила локтем о фонарный столб, когда балансировала на краю лужи и не заметила притаившуюся там корку коварного льда.

Про то, где я видела дворников вообще и сотрудников ЖКХ в частности, пришлось скромно промолчать. Гуляют тут, понимаешь ли, молодые мамочки с детьми. Бедным студентам даже рта открыть негде и высказать всё накипевшее миру никак.

Наверное, выражение лица у меня было соответствующее, потому как вахтёр, дремавший на входе, мне никаких вопросов не задал и предъявить студенческий билет не потребовал. Тем самым позволив мне беспрепятственно добраться до второго этажа, где привычно обменявшись колкостями со старостой параллельной группы и проложив путь до нужной аудитории исключительно локтями и собственными возмущёнными воплями, я оказалась прямо перед дверью с цифрами два, четыре и пять на блестящей, круглой табличке. За ней слышались чьи-

то возмущённые бухтения, смех и недовольный бубнёж преподавателя по праву, явно сетовавшего на свою жизнь и неблагодарность всей группы разом.

Иногда его перебивал извиняющийся баритон старосты, но общую картину это не сильно меняло. И да. Тут звукоизоляция была ещё хуже, чем в главном корпусе, так что счастливы были те, кому здесь экзамены сдавать приходилось.

– Что, Воронова, опять проспала да? – ехидный голос Коленьки Глухова раздался прямо над головой, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности. – Поздравляю тебя, Степаныч нынче не в духе, терзать будет долго, медленно, кроваво...

– Сказал известный мастер спорта по опозданиям и вранью, – машинально огрызнулась и, показав кулак однокласснику, постучалась. Ответа ждать не стала, просто распахнула дверь в кабинет и просунула голову в щель, обворожительно улыбнувшись строгому мужчине средних лет за преподавательским столом. – Здравствуйте, Семён Степанович! Простите великодушно за вторжение внезапное, но дело чрезвычайной важности, спешности и прочее-прочее-прочее. Короче, позарез нужны три морды лица из нашей славной группы для выполнения ответственного поручения самого Станислава Григорьевича! Отпустите, а? Не губите бедного главу студсовета во цвете лет и сил...

– Воронова, не приbedняйтесь, – тяжело вздохнул Семён Степанович, зыркнув на меня недовольным взглядом. – Забирайте, кого вам надо и брысь с глаз моих. Я всё ещё не забыл, как вы мне основу уголовного права сдавать изволили... Вежливая, опрятная, спокойная девочка, а как примеры приводить начала, так как будто два срока отмотала!

– Так с этими оболтусами и все три отмотаешь, пока чего-то добьёшься! – ввалившись в кабинет, я смущённо шаркнула ножкой, поправив бейсболку. – Так что, можно?

– Я же сказал. Забирайте, и чтобы я вас тут не видел! – преподаватель права ещё и журналом хлопнув по столу. Кто-то ехидно фыркнул, кто-то закатил глаза. Галёрка так и вовсе – даже глаз не подняла, заигравшись в «морской бой». И глядя на ту идиллию, я только вздохнула про себя. Мне бы так, хоть ненадолго, хоть на пару недель. Чтобы не думать, как выкрутиться перед деканом, оправдаться перед куратором, убежать от справедливой расправы одноклассников и заработать денег. Эх, мечты-мечты!

– Так, крайних нет, но декан их назначил, – без зазрения совести прикрывшись именем грозного чудовища всея факультета, я ткнула пальцем в нужных мне людей. – Ты, ты и ты. За мной, на выход. Остальным просьба не расслабляться, Станислав Григорьевич ещё не допил свою валерьянку и не все обязанности распределил! И это... – оглянувшись в дверях, я тихо кашлянула. – Семён Степанович, там Глухин говорит вы его несправедливо завалили, контрольную ему плохо проверили...

– Да-а-а? – неподдельно заинтересовался мужчина. Даже привстал со своего места, опираясь руками на стол. – Так пригласите его сюда, обсудим.

– Ну и гадость ты, Каркуша, – беззлобно поддел меня староста, отвесив лёгкий подзатыльник. – Ещё и злопамятная гадость!

На такое заявление, наполненное искренним то ли восхищением, то ли укоризной, я только и смогла, что глазами похлопать, надувшись, как мышь на крупу. Однако стоило нам оказаться в коридоре, я пропустила товарищей вперёд и, сдвинув кепку на затылок, с самым серьёзным выражением лица поманила пальцем скучавшего на соседнем подоконнике Коленьку.

– Иди сюда, моё чудесное несчастье. Как донесла разведка боем и рекогносцировка на месте, Семён Степанович желает кое-что уточнить у нашего самого главного умника всея факультета, – и, похлопав недоумённо глядевшего на меня парня по плечу, сочувственно вздохнула. – Ну ты это... Держись там. Мы если что, за тебя обязательно отомстим!

– Воронова, ты чего? – Глухин почесав затылок, всё-таки открыл дверь в аудиторию. И тут же оказался втянут внутрь караулившим у входа преподавателям по праву, цепко ухватившим дылду студента за ухо.

Я же, глядя на страдания своего однокурсника, сочувственно вздохнула, машинально потирая собственную, не так давно пострадавшую часть тела. И, мысленно позлорадствовав, поспешила скрыться с места преступления, даже не удивившись раздавшемуся на весь этаж душераздирающему воплю «Каркуша!».

Должна же я оправдывать прозвище «местное несчастье», присвоенное мне ещё на первом курсе добрыми одногруппниками или как?

Почесав нос и придя к выводу, что это вопрос скорее риторический и искать на него ответ совершенно необязательно, яшла взглядом троицу избранных, оторванных моими скромными усилиями от учебного процесса. Жарков привычно жевал жвачку, подпирая стенку напротив кофейного автомата, Наташенька строила глазки нашему старосте, скорее из любви к искусству, чем действительно надеясь его обаять. А сам староста, каким-то шестым чувством определив моё приближение, не глядя сунул в мои промёрзшие пальцы стаканчик с горячим шоколадом и добавил, отпивая свой чёрный кофе без сахара:

– Заболеешь, отдам тебя куратору на излечение.

– Заболею, гордо помру на коврик под дверью нашего деканата, – тихо фыркнула, отпивая горячий, сладкий напиток и блаженно шурюсь. – Заодно отомщу всем и сразу за свои бедные, потраченные нервы.

– Злюка, – беззлобно усмехнулся дядя Саша, щёлкнув меня по носу. И, в отличие от остальных, не получил за такие вольности пинок по голени. – Ладно, колись, несчастье, для чего мы тебе понадобились, да так срочно.

– Шевели лапами, Каркуша, – буркнул Жарков, скривившись и наклеив жвачку на дверной косяк. – Мне ещё физику зачёт сдавать, чтоб его.

– О твоих спортивных успехах в этой области не слышал только ленивый, – хмыкнула Наташка, вытаскивая пилочку и подправляя и без того идеальный маникюр. Дёрнула изящно плечиком и мило улыбнулась в ответ на недобрый прищур парня. И выглядело это так органично, что я сначала усомнилась в собственном зрении, потом в собственной адекватности. Ущипнув себя за щёку и чуть не пролив остатки шоколада на толстовку, задумалась. Это только мне чудится или между ними действительно мелькают те самые, пресловутые искры любви и взаимной приязни? Чудны дела твои, Господи!

– Я собрала вас здесь, – окинув взглядом небольшой закуток с кривым и изрядно засохшим фикусом в углу, я допила шоколад и выкинула стаканчик в мусорку. И засунув всё ещё не согревшиеся пальцы в карманы толстовки, торжественно продолжила. – Ну так вот. Я собрала вас здесь, дабы сообщить приятное известие. Наш небольшой, но гордый отряд самоотверженных чеверокурсников будет защищать честь и гордость нашего любимого вуза на городском конкурсе самодеятельности. Возражения, увы, не принимаются. От поручения декана ещё никому не удавалось откосить. Вы рады? Я так просто до невозможного, учитывая что кроме нашей небольшой и тесной группы, мне придётся следить за товарищами с социально-гуманитарного факультета. А что им придёт в голову, даже Фрейд не разберётся с первого раза! – лица товарищей отражали всю степень их радости, заставляя невольно нервничать и болтать ещё больше и, что характерно, ещё невыносимее. – С вас предложения о чём, как и в каком виде будем выступать, список необходимого и сценарий к концу недели. В пятницу первая встреча на Эльбе, в два часа, в актовом зале, прошу не опаздывать. И да, декан непрозрачно намекнул на минимальные требования к результату конкурса, а именно – занять не ниже второго места, улучшая репутацию и рейтинг вуза и зарабатывая плюсики в карму от самого Станислава Григорьевича. Вопросы есть?

– А... Ну... – попыталась что-то выдать Наташка, переглядываясь с парнями. – Как бы...

– Вот и отлично, вопросов нет, значит, увидимся в пятницу, – подпрыгнув от радости, я хлопнула в ладоши и, чмокнув старосту в щёку, смылась, пока до ребят не дошла вся суть вываленной на них информации. И уже перепрыгивая через две ступеньки, тихо хихикнула, когда на весь этаж вновь прогремел тот самый, душераздирающий, полный обречённости и давно уже привычный вопль «Каркуша!».

Давно позабытая совесть попыталась намекнуть, что такое поведение несолидно для моей должности и некрасиво по отношению к людям. Но стоило вспомнить, как за этих самых людей я периодически огребала от куратора и от декана, выслушивая о пользе политинформации и воспитательной работе среди молодёжи, как муки совести как рукой сняло. Да и потом, если бы они действительно были против...

Ну не настолько я быстро бегаю, в общем-то. Да и спрятаться тут особо негде, если что.

Противная трель телефона отвлекла меня всего-то на пару секунд, а я уже умудрилась врезаться в поднимающегося по лестнице парня. Аккурат носом да в широкую грудь, закрытую светлой футболкой с каким-то странным принтом. И только чудом не полетела на пол, успев ухватиться за плечи незнакомца и повиснув на нём, переводя дух.

– Кхм, – весёлые нотки в голосе моего спасителя намекнули, что очередные разборки мне всё-таки не грозят. Вот только следующая его фраза изрядно подпортила первое впечатление. – Аккуратнее, мелкий. Убьёшься ведь так.

– Не волнуйтесь, дяденька, – отцепившись от парня, я отступила на шаг, выуживая надрывающийся телефон из кармана джинсов. Глянула на имя абонента и убрала звук, обходя внезапное препятствие по кругу. – Если, не приведи бог, случится такое несчастье, тут всё заведение скинется на пышные похороны с гарантированным упокоением. А вам я бы советовала зрение проверить. Я, конечно, не Анна Семенович, но с парнем меня ещё ни разу не путали! – и гордо вскинув нос, побежала дальше, на ходу отвечая на звонок от очень важного для меня человека. – Да, слушаю! Нет, Ирина Петровна, я не забыла. Ага-ага... Что-то ещё надо купить? Да? И как же?

К концу разговора о случайном столкновении я уже и не вспоминала, занятая своими мыслями и прикидывая, каким маршрутом домой возвращаться, чтобы успеть зайти во все нужные магазины. Учитывая, что часть из них была в другом конце города, лёгкая пешая прогулка грозила превратиться в самый настоящий марафон. И окончательно выкинув из головы симпатичного кудрявого паренька, спасшего меня от падения и ставшего очередной галочкой в списке нелепых ситуаций и курьёзных происшествий, я поспешила в главный корпус. Забрать куртку, прихватить рюкзак, показаться на глаза куратору, отчитаться о проделанной подрывной деятельности и уйти по-английски, не прощаясь, пока Олег Евгеньевич ещё что-нибудь не вспомнил или не придумал мне поручить.

Ну а то, что этот самый спаситель всё то время, пока я прыгала вниз через две ступеньки, провожал меня по-детски любопытным и пристальным взглядом, так это его личные проблемы. Пускай смотрит, мне не жалко. На большее-то всяко претендовать не собирается.

Да и если быть совсем уж честной, зачем мне какой-то странный, пусть и дико милый парень, не умеющий отличить мальчика от девочки, когда у меня есть самый лучший мужчина во всей моей жизни?

Невольно мягко и тепло улыбнулась, прыгая на остановке в ожидании автобуса. Эх, Данька, как же я по тебе соскучилась-то, чертёнок!

Глава 2

Меня не удивляет, как я нахожу выход из всех этих ситуаций.

Меня поражает, как я нахожу туда вход!

– Ну а ты что? – Череп, он же Черепанов Анатолий Вячеславович, глотнул колы и блаженно сощурился, откусывая приличный кусок бургера. На его худощавом лице с не раз перебитым носом читалось чистое, ничем не прикрытое удовольствие от поглощения фастфуда. И, глядя на это, я в который раз поразилась, какой же разносторонней личностью был мой обожаемый и многоуважаемый друг почти бандит.

Два метра ростом, далеко не хрупкое телосложение и самая натуральная бандитская рожа, которую не облагородил даже классический костюм тройка, с элегантным галстуком насыщенного светло-голубого цвета. К тому же, это чудо ещё и бургеры поглощало с такой скоростью и с такими довольными стонами, что на нас периодически косился даже обслуживающий персонал.

Впрочем, Толика это ни капли не смущало. Дожевав очередной кусок, он ополовинил ведёрко картошки фри и, залив это всё вредной газировкой американского происхождения, довольно вздохнул. После чего принялся уничтожать оставшиеся бургеры и нагетсы. При этом каким-то непостижимым образом умудряясь не испачкаться в соусе и не поставить жирных пятен на дорогую ткань.

– Ну а что я-то, Толь? – тихо хмыкнула, потягивая ледяной мохито и ковыряясь картошкой фри в сырном соусе. – Ты ж знаешь, терять привилегии главы студенческого совета мне нельзя. Так что взяли под козырёк и побежали исполнять. А то, что с моими методами работы меня быстрее закопают, чем помогут, так, кого это интересует-то?

– Меня, – фыркнул сосед, вытирая пальцы и рот салфеткой. После чего вытащил сигареты, выбил одну из пачки, помял и выбросил в сторону, по старой, никак неистребимой привычке. – А что, реально так запахло слабать что-нибудь на сцене?

– Им запахло зад от дивана оторвать и в простеньком квесте поучаствовать, а ты про сцену. А то не помнишь, что на втором курсе вышло из турсёлта, ага, – вздохнув, подпёрла щёку кулаком. – Так что энтузиазм и жажда участвовать в каких-то мероприятиях, если и была, то явно ещё в школе. А к началу первого курса она успешно атрофировалась. И какой бы болтливой, невыносимой, несущей несчастье в массы я не была...

Едва заметно пожала плечами, сжеживая зевок в кулак. Толя на это только фыркнул, потягивая капучино и кося взглядом голодного крокодила на мой поднос. И чем дольше косил, тем жалостливее становилось выражение его лица. Пришлось делиться с ближним своим, возведя глаза к потолку и пододвинув к нему поднос. Многое изменилось за эти годы, очень многое...

Но легендарная прожорливость Толяна, в своё время ставшая предметом шуток и подколов всей банды, осталась неизменной. Иногда я всерьёз подозревала, что у него вместо желудка чёрная дыра. А иногда я в этом была уверена на все сто процентов!

– Как Данька? – прикончив мой бургер в два укуса, Толя вздохнул, допивая мою же колу. И только убедившись, что ничего съестного на столе не осталось, откинулся на спинку стула. – Давно его не было видно.

– Хорошо всё с ним, – тёплая улыбка сама по себе появилась на моём лице, стоило вспомнить об этом человеке. Самом дорогом и близком для меня человеке. – Читает потихоньку, на массаж, на лечебную физкультуру ходим. Дома поручни повыше подняла, что б ему цепляться было удобнее. Надо бы ещё в ванной ремонт сделать, но пока что на это денег нет. По тебе и парням скучает. И ждёт, когда ж ваша кодла в гости наведаться соизволит.

– В субботу. Обязательно, – широко ухмыльнулся Череп, потирая наглухо бритый затылок с неизменной татуировкой. – Пацаны уже роптать начали, дескать давно не навещали и вообще. А ремонт... Ну я Тортиллу захвачу в выходные, глянем, что можно сделать и сколько это будет стоить.

– Толь, деньги...

– Малая, ещё раз про деньги заикнёшься, уши надеру. Как в прежние времена.

– Да молчу я, молчу.

– Вот и молчи, – этот деспот ещё и по носу меня щёлкнул, перегнувшись через весь стол. А потом, глянув наличие свободных касс, поднялся, направляясь в их сторону за очередной добавкой. Вот же прорва ненасытная, а не сотрудник солидной охранной фирмы исключительно бандитской наружности!

Тихо прыснув, я вновь принялась потягивать мохито, разглядывая окружающую обстановку и думая о своём. Вопреки досужему мнению, молчание меня не напрягало. Как не напрягала необходимость сидеть на одном месте, никого не дёргая и никому ничего не каркая над ухом. Это среди однокурсников, на занятиях, перед ректором, деканом, куратором, методистом и остальной достопочтимой публикой я пребывала в образе неунывающей мелкой оптимистки, которая и понятия не имеет о том, когда надо бы замолчать. В обычной жизни я всё тот же добродушный оптимист, радующийся каждому новому дню.

Но радуюсь молча. О себе не распространяюсь, проблемы решаю по мере их поступления. И если уж совсем припрёт обращаюсь только к тем, кто действительно может мне помочь. А таких людей, на самом-то деле, раз, два и обчёлся. Ну и устраиваю вот такие вот посиделки. Когда только с Черепом, когда и со всей бандой, с которой несмотря ни на что удалось сохранить самые крепкие дружеские отношения. Как бы удивительно это не было.

Вернувшись, Череп сунул мне под нос мороженое, а сам принялся за свой заказ. При этом он успевал с кем-то переписываться, искать что-то в интернете и следить за тем, чтобы я не уснула носом прямо в порции с холодным лакомством. Терпения его хватило ровно на три раза, на четвёртый он не выдержал и, хлопнув меня со всей дури по плечу, недовольно выдал:

– Не знал бы всё лично, решил бы, что ты всю ночь с парнем обжималась, забив на мир, учёбу и все дела.

– Я и обжималась, – широко зевнув, откинулась на спинку стула, решив больше не рисковать. Рука у Тольки со временем легче не стала, он-то, может и не специально, а синяки останутся!

Друг на такое заявление, сказанное спокойным, будничным тоном даже жевать перестал. Отложил недоеденный бургер в сторону, вытер пальцы салфеткой и...

Улыбнулся. Мягко так, ласково. Аж мороз по коже пробежался!

– Явки, пароли, адреса? И имя, пожалуйста, имя, – доброжелательное выражение лица парня меня не обмануло. Знаю я эту морду полубандитскую, он с точно таким же выражением лица пацанов из параллели месил, когда они мелких притеснять решили.

– Толя, – вздохнув, я запустила пальцы в собранные в пучок волосы на затылке. Череп терпеть не мог, когда лица собеседника не видно, так что моя неизменная красная бейсболка болталась на спинке стула. – Я тебя умоляю, какие явки, пароли и тем более имена? С ноутбуком я обжималась. До пяти утра. Искала идеи, вдохновлялась картинками и писала сценарий для сценки. Ещё подумывала подкинуть гуманитарам идею для стенд-апа, но в пять утра эти любители неточных наук могут послать так далеко, как не снилось тем же филологам. Было дело, сталкивались по учёбе, ага.

– Точно? – сощурился друг, вновь придвигая к себе коробку.

– Точно-точно, – я фыркнула, потягиваясь и снова зевая. – Толян, ну ей-богу, какой на мои гордые метр шестьдесят парень-то?! Да со всеми обстоятельствами и обременениями? Я тебя умоляю!

– Умоляй, мелкая, умоляй, – покладисто согласился этот гад, со временем поднаторевший не только в умении общаться без налёта акцента гопоты с района, но и заработавший навык применения сарказма и ехидства. Причём как бы Толька ни отрицал, но порою он от этого получает невероятное удовольствие и специально провоцирует соперника на продолжение беседы без мордобоя. И у кого он этого понабрался-то только?

– Ты потом куда, на смену? – вдруг озадачился товарищ, глянув на командирские часы на своём запястье. Их Толику подарил отчим, после того как парень успешно закончил сначала институт, а потом и курсы охранников. И только поддержал пасынка, когда тот наотрез отказался идти по его стопам и работать в полиции. Как выразился суровый родитель, одного мента в семье за глаза хватит.

– Не-а, – вспомнив вчерашний звонок от администратора, я скривилась и тяжело вздохнула, болтая соломинкой в стакане. Кисло улыбнулась в ответ на вопросительный взгляд парня и пояснила. – Уволили меня. Вчера. По сокращению штатов. Так что я опять в свободном полёте и поиске нового места для трудовых подвигов.

– Мелкая, ты ж знаешь...

– Толя, я тебе тогда сказала и сейчас повторю, если надо, куда ты можешь деньги деть, – глянув на него исподлобья, я показала Черепу кулак. – У меня есть кое-какие сбережения, на первое время хватит. А там... Посмотрим, может удастся найти что-то с гибким графиком и непривередливым хозяином. Но мне так не повезёт, увы. Ладно, – встряхнувшись, я выпрямилась, зевнула ещё раз и решила таки подпортить другу аппетит. – А ты когда себе девушку найдёшь, мордочка моя бандитская да бритая?

– Эй, Воронёнок, я ж ем!

– Ничего не знаю. Требую пояснений, объяснений, в письменном виде и в трёх экземплярах. Ну так что?

– Мирка! Имей совесть!

– Не была, не привлекалась, не участвовала, – стацив у него картошку фри, я принялась жевать, уставившись на парня заинтересованным взглядом. – Ну-у-у?

– Да ёпт...

Из заведения мы с Черепом выбрались ещё через полчаса, когда я безнадёжно опоздала на последние пары, а Толян получил втык от начальника, не обнаружившего подчинённого на его непосредственном рабочем месте. Впрочем, тот, дорвавшийся до вожака и вредной еды, воспринял всё благосклонно, покивал в нужных местах, покаялся. Чмокнул меня в лоб, надвинул кепку на самый нос и отправился по своим делам.

Пообещав напоследок, что если я опять ввяжусь в какое-то сомнительное предприятие, переборщу с физическими нагрузками или ещё каким-то неведомым ему способом попытаюсь себе навредить, то на мой возраст Череп смотреть не будет. Выдерет как сидорову козу и скажет, дескать, что так оно и было, да-да!

Зная нрав Толика, угроза прозвучала очень даже серьёзная. А банда ещё и поддержит своего предводителя, принимая самое горячее участие в моём перевоспитании.

Почесав нос, я глянула на время и, ойкнув, дёрнула лямки рюкзака, поспешив на остановку. Друзья это хорошо, проводить с ними время весело, даже если у друзей местами проскакивают деспотичные замашки в твой непосредственный адрес. Но дела тоже никто не отменял. Тем более, зная старосту группы пятикурсников с социально-гуманитарного факультета, опаздывать на встречу с ним было просто опасно для жизни.

Ну, или для психики. Этот милый мальчик, в очках-половинках и футболках с символикой рок-групп, одинаково свободно рассуждал как о трактатах Ницше, так и об особенностях пыток во времена Святой Инквизиции. А последнее ещё и проиллюстрировать мог с применением методики психоанализа по Фрейду. И всё это с милой, мягкой улыбкой, пробирающей до костей даже матёрых задир и прогульщиков.

Кто бы сомневался, что прозвище «Псих» прилипнет к нему так же, как ко мне в своё время приклеилось «Каркуша»!

Нужный мне автобус пришёл точно по расписанию, грохоча на всю улицу всеми своими внутренностями. Он был почти пустой, что меня порадовало. И, усевшись на продавленное сиденье у окна, я обхватила руками рюкзак, стоящий на коленях, и прислонилась лбом к дребезжащему холодному стеклу. Путь до нашей альма-матер много времени не занимал, но всё это время я разглядывала яркие вывески магазинов, зазывающие рекламные билборды и переполненные парковки у торговых центров.

Город у нас был достаточно крупным, со всей причитающейся инфраструктурой и необходимыми для жизни вещами, такими как рабочие места, магазины, кафе, рестораны и кино-театры. Я уж молчу про ночные кубы и прочие увеселительные заведения. При желании, здесь можно было кутить целый год, если у тебя на это хватит и сил, и средств для оплаты собственных развлечений.

Хмыкнула, рисуя рожицу на запотевшем от моего дыхания окне. У нас даже были эти, как их... Байкеры, во! Любители коней железных. Череп вот не так давно рассказывал про приключения одного такого мини-клуба, катавшего исключительно на отечественных мотоциклах. Их предводитель умудрился за какие-то полчаса подрезать скорую, обогнать машину гаишников, попытаться уйти от них во дворах и просто-напросто свалиться на землю, затормозив на очередном повороте. Я б с удовольствием с ними познакомилась. Интересные, должно быть, люди, как ни посмотри. Жаль, познакомиться с ними мне, увы, никак не светит. Да и потом, в моей жизни и без них хватает всяких эксцентричных личностей!

– На остановке, пожалуйста, – крикнула водителю, спохватившись, что ещё немного и банально проеду мимо своего пункта назначения. И чуть не полетев кубарем верёд, когда автобус начал резко останавливаться, вывалилась вместе с остальными пассажирами на тротуар. Естественно, споткнулась о бордюр. Порою я всерьёз подозреваю, что проблема вовсе не в моей неудачливости, а в поганой ауре, окружающий родной университет.

Хмыкнула, натягивая пальцами лямки рюкзака и перепрыгивая через блестящие на солнце лужи. По закону подлости, перед входом в университет они были самые большие, глубокие и никогда не замерзающие. Так что до дверей я добиралась прыжками и перебежками, попутно поминая тихим, добрым словом погоду и дворников. И только чудом не получила по лбу чёртовой дверью, из которой кто-то выходил.

– Извини, мелкий, не заметил, – хмыкнул низкий, приятный баритон, обладатель которого любезно придержал меня за локоть, не дав грохнуться задом на мокрую от дождя плитку из керамогранита, украшавшую крыльцо. – Слушай, а тебе точно сюда надо? А то ведь зашибут и не заметят!

– Меня? Да не заметят?! Дяденька, как вы плохо думаете об умственных способностях местных разгильдяев, – фыркнув, я сдвинула бейсболку на затылок и глянула на заботливого незнакомца. И присвистнула, рассматривая сей впечатляющий экземпляр красоты, брутальности, мужественности, сексапильности...

Короче, не знаю, кто этот мужчина во цвете сил, но я бы с ним познакомилась поближе. Если бы не обстоятельства.

– И потом, если они не заметят скромную меня, то я-то их точно замечу! И припомню, при первом удобном случае, – шаркнув ножкой, я мило улыбнулась разглядывающему меня незнакомцу и бочком протиснулась мимо него в тамбур.

Мечта всех женщин от шестнадцати и старше вскинул бровь, проследив взглядом за моими передвижениями, и взъерошил светлые волосы на затылке. Кожаная куртка натянулась, обрисовывая шикарные плечи. Изящная серьга в форме чёрного креста мелькнула среди прядей, придав этому потрясающему экземпляру ещё пару очков в моих глазах.

Я аж чуть слюной не захлебнулась, засмотревшись на это зрелище. И поспешила скрыться на первом этаже корпуса, отчаянно завидуя той девушке, что получит данного мужчину в свою личную собственность. Жаль, что мне такое счастье если и светит, то явно не в ближайшие пару десятков лет. Да и потом, это ж кем надо быть, что бы на меня польститься? Да ещё с учётом того багажа, включающего и неполный условный срок, висящий за спиной?

Потратила ещё минуты три на скорбь по собственной отсутствующей личной жизни, пока проходила местный фейсконтроль и отбивалась от вопросов, не нужны ли нам художники-оформители со свободным графиком работы (своих бы куда деть, кто подсказал бы!). А после, припомнив, в каком закоулке мы с Психом договорились о встрече, попрыгала в святая святых каждого университета.

В местную столовую, славящуюся способностью поваров спалить то, что в принципе не подлежит сожжению. У них даже чай порой получался со вкусом горелого, хотя при всей своей фантазии я так и не смогла понять, как им это удаётся. Радует, что такие казусы были скорее исключением, чем правилом. Печалит, что за все годы учёбы правило почему-то подтвердилось именно на мне.

Евстигнеев Арсений Петрович, двадцати четырёх лет от роду, худошавого телосложения, миловидной внешности и суровой репутации нашёлся за угловым столиком. Подальше от выхода, поближе к раздаче. Тёмно-русые волосы были собраны в растрёпанный хвост на затылке, скулу украшала витиеватая свежая татуировка, бровь проколота, а общее благостное выражение лица подсознательно заставляет вспомнить обо всех своих прегрешениях. И нет, не был он таким уж страшным, наш Псих. Но оставлял после себя незабываемое впечатление и лёгкую психологическую травму. Или психическую?

– Контора пишет? – приземлившись на стул напротив Сени, я, ни капли не смутившись холодного прищуря светлого-голубых пронзительных глаз, стащила у него из-под носа стакан с чаем.

Парень на это только хмыкнул, покрутив в пальцах самое настоящее писчее перо, и вернулся к своим записям, без особого энтузиазма поинтересовавшись:

– Итак, чем обязан радости видеть твою взъерошенную светлость?

– А то ты не в курсе, – хмыкнула, блаженно шурясь и грея руки о стакан.

– Всё, что я на данный момент знаю, так это то, что нам выдали безнадёжное в своей провальности задание, – мимолётная улыбка сгладила холодные черты лица Сеньки, но повысила нервозность окружающих, проходивших мимо оккупированного нами столика. – Оказывается, мы с нашими далёкими от скромности творческими талантами, должны занять как минимум второе место. И займём, несомненно. Второе с конца.

– Сеня, да ты пессимист, как я погляжу.

– Каркуша, да ты оптимист, как я посмотрю, – вернул подложку Псих и хмыкнул, не глядя стянув стакан чая с подноса проходившего мимо младшекурсника. – И чем дольше я с тобой общаюсь, тем сильнее меня волнует один ма-а-аленький вопрос... На каких препаратах надо сидеть, что бы являть миру столько жизнелюбия и радости?

– Исключительно на успокаивающих сборах и мантре «Я не убиваю окружающих меня идиотов», – фыркнула, делая ещё один глоток горячего напитка. После чего полезла в рюкзак и плюхнула на стол между нами стопку распечаток. – Спрашивать, есть ли у вас заготовки, не буду. И так понятно, что они тебя интересовали в самую последнюю очередь. Так что держи, это схематичный план выступления. Я набросала парочку линий, выберешь, что больше подходит. Но учти, будете петь, текст песни на сверку предоставить обязательно и не за пять минут до выхода на сцену. Прошлые матершинные частушки мне до сих пор икаются периодически.

– Декан оценил? – и снова эта мимолётная улыбка, от которой внутренности в узел сворачивались и срочно просили политического убежища где-то в левой пятке.

– И декан, и замдекана, и куратор и даже ректор, в кои-то веки посетивший мою скромную обитель, – я скривилась, как от зубной боли, припомнив это чудное виденье, отнявшее у меня два часа свободного времени, десятки нервных клеток и подарившее уйму седых волос своими рассуждениями о воспитательном процессе. – Поэтому, Псих, я тебя не как товарища, однокурсника, коллегу или собрата по несчастью... Я тебя как человека прошу: давай хотя бы в этот раз обойдемся без происшествий, а?

Сеня на такую просьбу только тихо рассмеялся, лукаво сощурившись и насмешливо на меня посмотрев. Вот только как-то прокомментировать прозвучавшие слова не успел. Словно в противовес всем моим чаяниям и надеждам, неприятности решили начать действовать прямо сейчас. И какой-то неуклюжий первокурсник, запутавшись в собственных ногах, потерял равновесие и рухнул прямо нам на стол. Со всем своим подносом, полным еды и под дружный лошадиный ржач присутствующих тут же студиезов. Да так метко упал, что сумел не затронуть ни меня, ни Психа...

Зато залил супом и чаем, вперемешку с картофельным пюре, все мои распечатки, блокнот Сеньки и его же толстовку, так неосторожно лежавшую на краю стола. Хохот стал просто гомерическим и грозил перерасти в массовую истерику.

– Так что ты там говорила про схему выступления? – отстранённо поинтересовался Арсений, изящным движением смахивая куски хлеба с колен. Выудив из получившейся жижи собственный блокнот, он поморщился, скептически разглядывая, во что он превратился.

– Я говорила, что есть у меня парочка идей... Но, судя по твоему лицу, можно уже не беспокоиться, да? – тяжело вздохнула, отодвигаясь в сторону, дабы не попасть под чайно-супный ручеек, стекающий вниз. И потыкала пальцем в бок валяющегося на столе студента. – Ты чьих будешь, несчастливец ты наш, м? Скажи хоть, что на надгробии надо будет писать, а то негласный лидер социально-гуманитарного факультета к гуманитариям и гуманистам имеет очень уж косвенное отношение.

– В моей смерти прошу винить ту обезьяну, что не сумела эволюционировать до человека и швырнула под ноги банановую кожуру, – наконец, выдал студент, поднимаясь со стола и с самым расстроенным видом разглядывая свою испорченную одежду. – Ну ё-маё... Снежка меня убьёт. И скажет, что так и было! А её хахаль поржёт ещё! Рожа протокольная, млин!

– М-дя... – судя по любопытному взгляду Психа, четвертовать наглеца передумали, зато всерьёз размышляли над тем, как прибрать такое интересное чудо к собственным лапам. И нет, никаких неправильных и пошлых мыслей. Просто Сеня любил неординарных личностей с эстетической точки зрения. А личность, что сейчас стояла перед нами с самым убитым видом никак не могла быть заурядной. На нём красовалась испорченная толстовка с ярким огненным драконом, виднелся хитрый браслет на запястье, а из ранца за плечом выглядывала рукоять бейсбольной биты и край ноутбука...

В общем, новичок, может, и был чуть неуклюж, но зато получил индульгенцию на все свои ошибки за сегодня и стал предметом пристального внимания негласного главы целого факультета. Честно говоря, быть местным несчастьем было куда безопаснее. И спокойнее. Иногда, во всяком случае.

– Снегирёв, что застыл? Ждёшь, когда высохнет, чтобы птички поклевали?

Дружный гогот нарушил нашу идеалистическую тишину, разбивая атмосферу покоя и умиротворения, как кувалда заднее стекло у хаммера. Особенно обидно было за птичку, ведь не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, на что намекает эта орава неубиваемых пони!

– Спокойно, Каркуша, – мягко улыбнулся Сеня, поднимаясь из-за стола. Закатав рукава неизменно чёрной водолазки, он щёлкнул меня по козырьку кепки и вопросительно уставился на новичка. – Снегирёв... А не одолжите ли мне битку?

– Да не вопрос, – парень только брови вопросительно вскинул, ловким движением вытаскивая инструмент из рюкзака. – А зачем?

– Пойду оправдывать своё прозвище. В конце концов, репутацию надо поддерживать, слухи подпитывать. Да, Мир, скинешь мне свои наброски на мыло, адрес ты знаешь. А вас, Снегирёв, я бы попросил подождать меня пару недолгих мгновений. Боюсь, новичкам вряд ли удастся легко и просто найти возможность постирать и высушить свою одежду.

И наградив нас ещё одной мимолётной, мечтательной улыбкой, Сеня, перехватил битку удобнее и отправился вбивать в не очень юные умы основы культуры поведения в общественном месте и правила питания, предусмотренные уставом, положением и обычным, ничем не примечательным этикетом. «Пони», видимо, до этого с Психом не встречались, успев послушаться баек про меня. И сейчас эти самые пробелы в знаниях грозили им аукнуться если не болезненно, то весьма чувствительно.

– Уй... – невольно вжал голову в плечи студент Снегирёв, с долей зависти разглядывая то, что устроил Арсений. – А ему это... Ничего не будет?

– Если что и будет, то Сене на это давно и прочно начхать, – вздохнув, залпом допила остывший чай и поднялась, прихватив с собой рюкзак и пирожок, чудом уцелевший во всем этом бедламе. – Привыкай, Снегирёв. Псих питает к тебе научно-исследовательский интерес, а значит, хочешь не хочешь, но будешь с ним дружить. А я Мирослава Воронова, глава студенческого совета и местное несчастье по прозвищу «Каркуша». Если что – обращайся, я на финансово-экономическом обитаю. И это... Кетчуп со лба вытри, а то выглядишь как неудавшаяся жертва преступления.

– А, блин, – парень вздохнул, рукавом кофты стирая соус с лица. После чего озадачился. – А почему Каркуша?

– Потому что каркаю много, не по делу, но со сто процентной гарантией.

– А... Понял. А почему Псих?

Со стороны «пони» слышались жалобные стоны, мольбы и попытки угроз и шантажа. Это они зря, конечно. Сеня мальчик в принципе добрый, но у Сени такая странная система ценностей и координат, что я лично до сих пор удивляюсь, каким макаром у нас с ним подобие дружбы образоваться сумело. Может дело в том, что наше знакомство обозначилось моим падением со стремянки прямо на конспекты усиленно пытавшегося не заснуть в библиотеке Психа?

– А это ты у него спроси, чуть попозже. И сразу говорю, видишь, как он улыбается? – парень кивнул, продолжая наблюдать за тем, как Сеня очень вежливо, я бы даже сказала ласково, объясняет стаду пони, где они неправильно поступили, и в чём же ошиблась эволюция на их примере. – Запомни. И никогда не становись причиной такой улыбки. Если ты, конечно, не Каркуша и не его девушка.

– Понял, не дурак, – хмыкнув, Снегирёв опёрся задом на стол и, скрестив руки на груди, продолжил наблюдать за экзекуцией. А я, вспомнив, что для реализации задуманного мне необходимо ещё и костюмы с реквизитом где-то найти, со всех ног рванула в сторону библиотеки. Кажется, именно там заимел нехорошую привычку ныкаться от страждущих основной костях худфака с редкими вкраплениями театралов.

А кто ещё может оказать содействие в таком серьёзном вопросе, как костюмы, реквизит и декорации, как не они? Ну не своих же художников-оформителей, что б им икалось всем разом, привлекать. Они, конечно, рисуют. Но боюсь, то, что они намалюют, не примет цензура в моём лице и тощей фигуре.

Видела, на себе ощутила, перед ректором долго краснела. И кто ж им тогда, такой нехороший, ляпнул про страсть нашего высшего руководства к бедным зайчикам и ёжикам в не совсем приличном варианте? И ведь не сознался никто!

Прошмыгнув мимо куратора, за каким-то чёртом рыскавшего по всему первому этажу, я по стеночке, в духе лучших шпионских боевиков, просочилась в приоткрытую дверь храма наук и знаний. В библиотеку, в смысле. А оттуда, вежливо расшаркавшись со строгой библиотечаршей, этакой мадам за сорок, со строгой причёской, в неизменных начищенных туфлях и коричневом костюме, проникла прямо в читальный зал. И только там смогла перевести дух, заинтересованно оглядываясь по сторонам.

В огромном помещении было тихо, светло и по-своему даже уютно. С потолка свисали богато украшенные люстры, на полу сверкал дубовый паркет, а некую атмосферу торжественности нарушал только тихий шелест страниц, приглушённые разговоры, да шум работающих компьютеров и кондиционеров. Помнится, ректор долго упирался, но под напором неопровержимых доказательств в лице определённого количества редких книг пострадавших от непостоянной температуры, что в хранилище, что здесь, сдался и выделил деньги на установку системы климат-контроля.

Тем самым сделав читальный зал вторым по популярности местом, где заядлые прогульщики предпочитали прятаться во время пар. Первое место занимала столовая, потому как если студент не хочет спать, то студент хочет есть, так что выбор, где отсидеть время, напрашивался сам по себе.

Впрочем, мне до причин прогула тех или иных пар было как до лампочки Ильича под потолком. Следить за прогульщиками входило в обязанности старост, им же я, с чистой душой, делегировала полномочия выдать назидательного пинка особенно отличившимся. И только если староста не мог справиться с распоясавшимся подопечным, тогда уже собирали малое заседание студенческого совета и проверяли мою степень владения ораторским искусством. Что, впрочем, происходило крайне редко и, в основном, по причине поступивших жалоб на негласных глав факультетов или очень уж ответственных старост.

Усмехнулась, встав на носочки и высматривая знакомые цветастые макушки, оттягивая лямки рюкзака на плечах. Помню самое первое моё заседание причиной которого стал... Нет, не Псих. Сеня в ту пору пребывал в меланхолии, слушал одноимённую группу и всех неудобных тормозил исключительно одним своим мрачным видом. А причиной срочного сбора студенческого совета стал сам Александр Игнатьев, шикарный блондин, спортсмен и гордость всей нашей группы. Ну и староста оной за одним. Очень... Правильный староста, местами, вот на него накатали жалоб столько, сколько потом за все три года учёбы на меня не катали.

– О, вот и вы... – подпрыгнула от радости, наконец-то обнаружив зелёную шевелюру с торчащими в разные стороны прядями за угловым столом в самом дальнем конце зала. И пока зритель библиотеки не выпнул меня отсюда за излишнюю эмоциональность, направилась в ту сторону, ловко лавируя между столами, студентами и стеллажами с драгоценными экземплярами книг.

Костяк худфака олицетворял собой квинтэссенцию воображения, фантастических идей и самых безумных расцветок в одежде, волосах и маникюре. Про различные аксессуары, которые данная фантастическая троица таскала с собой всегда и везде я вообще молчу. Один пушистый кролик дикого салатного цвета чего стоил!

– Наше вам с кисточкой, – уронив рюкзак прямо на стол перед склонёнными яркими макушками, я приземлилась на свободный стул. – Есть желающие поработать головой, вдохновением и ручками?

– Каркуша... – недовольно протянула Инка Ломова, ероша свои зеленее пряди и сощурилась, постукивая иссиня-чёрными ноготками по стопке набросков на столе. – От тебя что, вообще нигде покоя быть не может?

– Это риторический вопрос? – я почесала нос и повернула бейсболку козырьком назад. Так с народом общаться куда удобнее. Даже если сам народ на конструктивный диалог не очень-то настроен.

– Это справедливое возмущение, – хмыкнула Жанна Бондина, накручивая на палец малиновую прядь и выводя карандашом замысловатые узоры в открытом блокноте. – Чего тебе надобно, старче?

– Помощь нужна. В чрезвычайно важном, срочном, занимательном, обаятельном...

– Короче, Склифосовский, – фыркнул Макс Макаров, третий член основного костяка, с причёской цвета ультрамарин и такой улыбкой, что панки на районе шугались от него как гопники от Черепа. – У нас ещё курсовик по мировому искусству висит.

– Ну короче, так короче, – вздохнув, я вытащила завибрировавший телефон, проверила сообщения и, ругнувшись про себя, выдала жаждущим информации студентам с весёлым смешком. – Мне нужны костюмы и декорации для выступления на конкурсе самодеятельности. Нужны как можно скорее, расходы за счёт университета, с деканом я договорюсь... – последнее прозвучало с изрядной долей сомнения, так, что, снова вздохнув, я всё-таки добавила. – Ну, по крайней мере постараюсь.

– Каркуша, у тебя ж свои художники есть, – недовольно сощурилась Инна, явно не вдохновлённая описанными перспективами. – Добавь им долю креатива, подбодри и вуаля, будут тебе и костюмы, и декорации.

– Прикалываешься?! – выпучила глаза от неожиданности и икнула, сплюнув и постучав по парте на всякий случай. – Я как их новогодний капустник вспомню, с поздравлениями педагогов, так срочно хочется просить политического убежища в другой стране. А уж валентинки на День Всех влюблённых так и вовсе могут послужить готовым пособием для определения адекватности! Да и потом... Я, может, и похожа на курьера, но точно не на того, кто может достать такой креатив... Ну, во всяком случае не опасаясь что его загребут!

Ребята на моё праведное возмущение дружно фыркнули и захихикали, стараясь не привлекать лишнего внимания, дабы нашу тёплую компанию не выгнали с насиженного места. А я вот их веселья не разделяла, совершенно. Нет, парни у меня были в целом мирные, довольно вменяемые и даже не обделённые вкусом, талантом и вдохновением. Вот только применяли они все эти свои положительные стороны исключительно в угоду собственному изощрённому чувству юмора. Про то, что совесть и любовь к ближнему своему у них отсутствовали в принципе, уточнять, думаю, не надо?

– Но клёво же было, – хихикнула Инка, сдув прядь волос с носа и вертя в пальцах огрызок карандаша. Второй такой торчал за ухом.

– Ага, – скептически фыркнула, скрестив руки на груди. – Особенно мне, на ковре у декана. Я так не краснела, даже когда яблоки на соседней ферме тырила и от сторожа улепётывала, с риском получить заряд соли пониже спины. И повторять такой опыт как-то не тянет, нервы мне дороже. Ну так что? Поможете?

– А есть варианты? – после секундного молчания, не менее скептически переспросила Жанка, дёрнув точёным плечиком в рваной майке. – У тебя сейчас такое выражение лица, чисто дитё малое, у которого конфетку отобрали. Даже если и желанием не горишь, всё равно совесть мучить начинает заранее! И вообще...

– Короче, – приложившись рукой по столешнице, Макаров оборвал все дальнейшие рассуждения. И, обведя притихших дам суровым взглядом, вперился им в меня, недовольно протянув. – Ладно, Каркуша. Мы тебе поможем. Но взамен ты обещаешь в течение всего оставшегося учебного года нас не видеть, не слышать и не знать, где мы можем обитать. Договорились?

– Договорились, – довольно улыгнувшись, я пожалала протянутую руку нашего местного панка и, оглядевшись по сторонам, выудила из рюкзака ещё одну пачку распечаток. – Вот, тут всё, что мне нужно, в каком виде, примерные наброски, ну и... Всё, что может, в принципе, пригодится. С вас смета к пятнице. Лучше в первой половине дня, чтобы я декана поймать успела. И да, срок на изготовление максимум три недели. И нет, это не я такая сволочь... Это жизнь такая с... Ну вы поняли, да?

– Вали уже, несчастье, – махнула рукой Инка, вчитываясь в мелкий шрифт и вглядываясь в мои схематичные наброски. Пишу я, как курица лапой, так что ребятам предстояло ещё расшифровать всё, что там написано, а потом уже ругаться по поводу объёмов, масштабов и сроков. – Ну ёшкин кот, Каркуша! Заведи ты себе штатного писаря, что ли?! Твои каракули проще сжечь, чем разобрать.

– Настоящие рукописи не горят, – многозначительно подняв палец вверх, я вернула козырёк бейсболки на его законное место и, прихватив рюкзак, удалилась в неведомую даль.

Ну как неведомую? В гости к куратору группы, который ну очень настойчиво и даже почти вежливо намекнул о необходимости зайти к нему на чашку чая, кофе и внеплановый разбор полётов. Последнее, конечно, в сообщении не прозвучало, да...

Но предчувствия меня по этому поводу ещё ни разу не подводили!

Этот раз исключением, к моему вящему сожалению, не оказался. Я ещё до учительской не дошла, где Олег Евгеньевич сегодня царил в глубоком одиночестве, разнося в пух и прах черновики наших дипломников, как мне уже всё доложили, всё объяснили и даже изволили фальшиво посочувствовать. Так что, когда напротив двери я нос к носу столкнулась с Жарковым, спрашивать, что случилось, не потребовалось. И так, все доказательства произошедшего, как говорится, были на лицо и иные части тела.

Причём, в прямом смысле слова.

Вид у Олежека был замечательный. Под глазом фингал, плавно перетекающий в синяк на переносице, рассечённая бровь, следы укусов на руках, криво залепленные пластырем и сбитые в кровь костяшки прямо таки кричали о том, что кое-кто не так давно подрался. И красота эта неописанная зыркнул на меня исподлобья, руки в карманы толстовки сунул и бросил недовольно:

– Опять ты...

– Ну, предположим не опять, а снова, – мимоходом отметив, как одноклассник бережно и скованно двигает одной рукой, сдвинула кепку на затылок и потёрла лоб. – Судя по твоему цветущему виду, сарафанное радио у нас работает на совесть и даже почти не врёт. А теперь, пока нас не схватили за шкуру и не проверили на прочность наш вестибулярный аппарат, колись, Павлик, что случилось.

– Не твоё дело, Каркуша!

– Жарков, не беси меня, пожалуйста. Нервов нет, новые не завезли, а впереди ещё полдня, которые у меня распланированы по минутам, – вытащив телефон, пролистала новые сообщения и недовольно дёрнула плечом, отстукивая носком кед рваный ритм. – Мне ещё за город нужно успеть выбраться и вернуться оттуда дотемна. Не ты ж меня повезёшь, так что не трать время, рассказывай!

К моему вящему удивлению наш задира коротко глянул на меня и... Поведал свою историю. В общих чертах она совпадала с тем, что мне «добрые» одноклассники и прочие знакомые рассказать успели, пока я сюда из библиотеки добиралась. Как в своё время высказался Сеня, подтверждая народную мудрость, на каждую гайку найдётся свой болт с левой резьбой. Вот и на Жаркова нашлась компания с факультета основ безопасности жизнедеятельности. Красивая такая, накачанная и горящая жаждой укоротить Олегу не в меру острый язык.

В чём именно они не сошлись во мнениях, парень признаваться категорично не пожелал. Зато уточнил, что, несмотря на количество противников, держался с ними на равных и кое-кто выглядит куда как страшнее, чем он сейчас. Я за него искренне порадовалась, ага. Вот ещё бы на глаза эта стачка никому не попадалась, вообще бы цены им не было! А так...

Их заметил секретарь ректора и настучала заму по воспитательной работе. Тот в свою очередь вычислил по камерам, кто участвовал в данном мероприятии и, как сказанули сегодня представители худфака, вуаля! Ну а раз Жарков не просто на моём факультете, но ещё и в моей группе, чего ж я удивляюсь-то срочному вызову к куратору на ковёр?

– Дурак ты, Жарков, – вздохнула, поправляя кепку и морально готовясь к лекции в исполнении Олега Евгеньевича.

– Эй! Они первые...

– Да мне параллельно-перпендикулярно! Решили подраться, так хоть не палитесь так безбожно! – закатав рукава толстовки, я стянула кепку с головы, медленно вдохнула-выдохнула и постучала в дверь, тут же заглянув в учительскую. – Олег Евгеньевич! Можно?

– Воронова! Как же я рад вас видеть, – и куратор так улыбнулся, что даже у меня сердце в пятки уйти успело, предварительно составив завещание. Сглотнув, я нахмурилась и, уцепив пытавшегося сбежать Олежека за локоть, вошла в кабинет, с покорно и повинно склонённой головой.

Оттягивать неизбежное бессмысленно. Олег Евгеньевич Злобин имел крайне интересную особенность запоминать всё, а потом, в самый неподходящий момент неожиданно припомнить. Полностью и безоговорочно оправдывая собственную фамилию, ага.

Выволочка получилась знатная. Куратор не орал, не топал ногами, но так задушевно шипел, что я невольно вжимала голову в плечи и смущённо шмыгала носом, посыпая голову пеплом. И поддакивала в нужных местах, соглашаясь, что воспитательная работа на нуле, что драки имидж портят, рейтинг обнуляют и так далее, и тому подобное.

А главе студсовета нужно побольше времени проводить в стенах родного университета, раз даже собственные одноклассники от рук отбиться соизволили! Да-да, студент Воронова, это про вас и это для вас! И если в ближайшие пару недель произойдёт хоть одно, даже самое маленькое происшествие, с участием студента Жаркова, то вам, Мирослава, ваше свободное посещение мило помашет ручкой на прощание. Вместе со списком всех остальных привилегий, вот ей-богу, Воронова!

Мне на эту тираду возразить было нечего. Так что, вздохнув и пообещав улучшить посещаемость, успеваемость и поведение Жаркова, я, с милостивого разрешения Олега Евгеньевича, собрала остатки гордости и выдержки с ковра, вылетев из учительской как пробка. И то, что при этом я чуть не пришибла дверью кого-то из одноклассников, меня не волновало. Куда больше меня занимал другой вопрос.

Когда ж эта чёрная полоса невезения, начавшаяся с утра в понедельник закончиться соизволит?! Сегодня вторник, но отчего-то неприятностей меньше не становится, скорее уж наоборот. Растут, мать их, в той пресловутой, любимой Черепом, геометрической прогрессии!

А самое главное, как мне теперь успеть на другой конец города?

Глава 3

*Никто не спорит, что заповеди, законы и понятия должны соблюдаться.
Всеми другими.*

– Я сошла с ума, я сошла с ума... – наворачивая круги по парковке, я старательно давила кнопки на телефоне, слушала очередной ответ автоответчика, чертыхалась и начинала всё по новой. – А я сошла с ума... Какая, мать его, досада!

«Абонент временно недоступен, пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала или перезвоните позднее». От приятного, но насквозь механического женского голоса начал дёргаться глаз. Плюнув, сунула телефон в карман и, остановившись посреди небольшого пятка почти сухого асфальта, принялась обдумывать возможные варианты.

Их было, скажем так, не шибко-то много. Нужный мне автобус благополучно уехал без меня, пока куратор канифолил мне и Жаркову мозги и прочие части тела. Наличных с собой не хватит на такси даже в одну сторону, а на карточке гордый нуль. Ко всему прочему Череп, видимо, свалил на очередную тренировку от своей конторы, и дозвониться до него сейчас не проще, чем докричаться до луны. И что получается?

А получается полная и беспросветная жопа, прости господи. И только в нашей стране, это даже не часть тела, а целый комплекс мероприятий! Без которого я вполне могла бы обойтись хотя бы сегодня. Но когда мне так везло-то?

– Нет, ну это форменное безобразие, – всплеснув руками, вновь начала наворачивать круги. Совершенно не обращая внимания на то, что Жарков, отпущенный на волю только после воспитательного подзатыльника, озадаченно наблюдает за моими телодвижениями.

Пренебречь, вальсируем! Моя деятельная натура, осознавая, что опаздываю я не на учёбу, а на очень важную встречу, просто не могла сидеть на месте. И уж точно мне было совершенно пофиг, кто и куда смотрит. У меня, в конце концов, были проблемы посерьезнее.

– Эй, Каркуша...

– Нет, ну как так-то? – вздохнув, я зацепила пальцами лямки рюкзака и подпрыгнула на месте от досады и негодования. – Если пешком, я дотуда только к утру доберусь. Я не против прогулки по ближайшей лесополосе, свежий воздух там, закаты, рассветы, цветочки, грибочки. Но, боюсь, дикие звери такого соседства, даже краткосрочного, не переживут! Волков инфаркт схватит, медведи в иммиграцию уйдут, а лоси... Или олени... Короче, эти рогатые срочно пойдут под ближайшие машины кидаться, лишь бы со мной не встретиться. Жаль только...

– Каркуша!

– Жаль только спасти бедную флору и фауну в нашем отечестве некому и подвезти главу студсовета никто желанием особым гореть не собирается. Не факел же с олимпийским огнём! А...

– Мирка! – я икнула от неожиданности, когда Жарков дёрнул меня за капюшон толстовки, привлекая к себе внимание. Хотя куда большим шоком стало то, что ко мне впервые обратились по имени. И, о чудо, вообще его знали, оказывается!

Олег вздохнул, стиснул зубы, явно себя пересиливая, и тихо поинтересовался:

– Тебя подвезти?

– А?! – если бы меня не держали за капюшон, я бы, где стояла, там и села, удивлённо хлопая глазами.

Брюнет поморщился и зло сощурился, сжимая пальцы крепче. Я аж голову в плечи вжала, опасаясь за сохранность собственной головы, но Жарков меня удивил. Он глубоко вздохнул и медленно, чуть ли не по слогам повторил:

– Тебя подвезти? Я на машине сегодня.

– А... А пары? – от неожиданности, я брякнула первое, что в голову пришло. Учитывая недавнюю головомойку от куратора и собственное клятвенное обещание улучшить чью-то посещаемость, вопрос всё-таки был актуален. – Тебе ж это... Надо свою посещаемость подправлять, не?

– Один день без меня переживут, до этого ж не померли как-то, – скривился Олег, недовольно дёрнув плечом. И, отпустив мой капюшон, сунул руки в карманы, старательно глядя куда-то в сторону. – Если что, справку сделаю. Ну? Тебя подвезти или как? Соображай быстрее, Каркуша. Пока я не передумал спасти твою пернатую задницу.

– Тьфу на тебя, – буркнула, сдвинув кепку на лоб и почесав затылок. – Ладно, согласная я. Мне нужно на Лесную пятнадцать, это за городом, микрорайон Зелёный мыс. Ну если тебе это о чём-то говорит, конечно.

– Так изящно меня в топографическом кренинизме ещё не обвиняли, – совершенно неожиданно для меня, задира всяя группы хмыкнул и улыбнулся. После чего дёрнул козырёк моей бейсболки вниз и махнул рукой. – Пошли, несчастье. На месте разберёмся.

– Э... Жарков, а тебя точно по голове не били? – осторожно поинтересовалась, идя следом за одноклассником. И почему-то остро сожалея, что это не я одолжила сегодня битку у первокурсника по фамилии Снегирёв.

Зная Психа, битка теперь либо пришла в негодность, либо в чьей-то личной коллекции устрашающих и причиняющих боль предметов, либо сломанная в мусорке валяется. Уверена, к своему владельцу она так и не вернулась.

– Каркуша, я может дуболом, задира и прочее. Но не люблю в должниках ходить, особенно перед одноклассниками, – Жарков глянул на меня искоса и вытащил ключи, подойдя к потрёпанной, но всё же прилично выглядевшей иномарке классического чёрного цвета. – Ты меня перед куратором прикрыла, шишки за меня огребла. Я тебя подвезу, куда там тебе надо. И будем в расчёте. Лады?

– Лады, – медленно кивнула, всё ещё не придя в себя от пережитого когнитивного диссонанса. И усевшись на переднее пассажирское, не удержалась и фыркнула ехидно. – А ты, оказывается, нормальным языком изъясняться умеешь. Кто бы мог подумать, Жарков!

– Высажу, – коротко бросил парень, заводя двигатель и вырывая с парковки перед университетом.

– А?

– Высажу в лесу под ближайшей ёлкой, если не заткнёшься, Каркуша, – и меня наградили таким многообещающим взглядом, что я предпочла прикусить язык. От греха подальше так сказать. Ехать надо срочно, других вариантов нет, а угроза прозвучала очень даже внушительно, не оставив ни капли сомнений, что Жарков её осуществит. Так что, поправив кепку, я открыла рюкзак и начала проверять его содержимое, бормоча себе под нос название тех или иных предметов, обнаруженных мною в процессе.

– Крем для массажа, пелёнка, мазь для суставов, уколы, глицин, – почесав бровь, я сощурилась, пытаясь вспомнить, что ещё меня просили привезти. – Книжки, новый плеер, массажёр, мячик для упражнений... Так, что я там забыть успела или не помнила вовсе? Выписку взяла, медкарту вчера откопировала, взяла. Заключение прошлой врачебной комиссии тоже взяла. Деньги... Деньги есть, но не факт что хватит. Уй, мне ж надо работу искать... Вчера ж квитанцию за квартплату принесли, письмо, блин, счастья незапланированное. И за свет. И за интернет. И за... А не, за газ я заплатила на год вперёд, но...

– Каркуша, ты молчать умеешь? – нахмурился ещё сильнее Олег, заинтересованно на меня покосившись. – И что это за походный набор в ученическом рюкзаке?

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, слышал? – вздрогнув от неожиданно, я вынырнула из своих размышлений и с громким звуком застегнула молнию, защёлкнув замок. – И отвечая на твой вежливый вопрос, Олежек... Молчать я умею. Но как говорит один

знакомый бандит с района, если одна конкретная девушка начинает долго и упорно молчать, значит, эта девушка как минимум планирует захватить мир. Так что для окружающих будет куда лучше, если я продолжу трепаться, ни о чём и обо всём сразу. Вот зуб даю, даже целую челюсть! Можно твою, что б далеко не ходить...

– Каркуша...

– Ну тебе ж всё равно по ней врезали, жалко что ли?

– Каркуша, ты...

– Ну в самом деле, не обеднеешь же ты на пару зубов-то?

– Мирка! – не выдержав, рявкнул Жарков. Неожиданно резко дёрнувшись, он съехал на обочину, заглушил мотор и пару раз, от всей души приложился лбом об руль. После чего глянул на меня устало. – Я тебя чем хочешь прошу... Помолчи, а? И без тебя башка раскалывается.

Вздыхнув, я покорно умолкла, прижимая рюкзак к груди. Не то, что бы это для меня действительно было проблемой или я всерьёз задумалась над той попыткой пошутить в исполнении Черепа, нет. Просто чем сильнее я волнуюсь, тем более шумной, вызывающей и говорливой становлюсь, невольно оставляя после себя сплошной хаос и разрушения.

Просверлив меня подозрительным взглядом ещё раз, Олег глубоко вздохнул и, пробормотав себе под нос: «Угораздило же меня», вновь вырулил на трассу. Периодически он, правда, порывался что-то сказать, но заметив, что я вытащила плеер и уставилась в окно, только хмыкнул чему-то, вернув всё своё внимание дороге.

Так в полном и абсолютном молчании, не считая хриплого голоса солиста группы «Кукрыниксы», напевавшего мне историю «Чёрной невесты», мы и добрались до нужного микрорайона. Поплутав, Олег остановился у шлагбаума, преграждавшего въезд на территорию частного реабилитационного центра «Аистёнок».

– Эм... Несчастье, а ты уверена, что тебе сюда? – озадаченно протянул парень, глядя на внушительную морду лица охранника, высунувшегося из будки, стоило машине затормозить перед ограждением.

Серьёзный тип в камуфляже, при кобуре и внушительном животе, на котором ремень держался исключительно на честном слове своего создателя, вышел с блокнотом. Сверил номера, не нашёл их в записях и упёр руки в бока, явно намереваясь грудью встать на защиту вверенной ему территории. Проезд машин, не принадлежащих сотрудникам центра или же самому центру, был строго воспрещён.

– Уверена, – отстегнув ремень безопасности, я вылезла из машины и наклонилась, заглянув внутрь. – Спасибо, Жарков, за помощь! Иногда ты себя действительно ведёшь как человек! Но только иногда!

И захлопнув дверь, поспешила в сторону будки охранника, на ходу выуживая из висевшего на одном плече рюкзака собственный паспорт и пропуск, выписанный в прошлый раз. Нетерпеливо подпрыгивала на месте, пока суровый мужчина сверялся со списками посетителей, предвкушая предстоящую встречу и солнечную, самую искреннюю улыбку на светлом, мальчишеском лице.

Как бы я ни хорохорилась, что бы ни болтала, но по Даньке я скучала просто до невозможности. Так, что аж пальцы чесались от желания обнять и прижать его к себе, спрятав лицо в мягких волосах.

– Можете пройти, третий корпус, от центрального фонтана налево, – сухо бросил охранник, возвращая мне мой документ, удостоверяющий личность, и делая отметку в пропуске. – Посетителям можно находиться на территории центра до половины восьмого. Не забывайте об этом.

– Угу, спасибо, – забрав бумаги, я направилась по выложенной тротуарной плиткой дорожке, мимо всё ещё местами цветущих клумб в сторону указанного корпуса. О том, каким

образом я буду добираться отсюда до дома, я старалась не думать. Если повезёт, успею на маршрутку. Если не повезёт...

Ну вот когда не повезёт, тогда и буду думать! А пока, вперёд, на баррикады!

Из «Аистёнка» я выбралась только под вечер, под недовольные взгляды всё того же охранника в будке. От его ворчания только отмахнулась, выползая мимо шлагбаума на парковку перед центром. И тяжело вздохнула, рухнув на лавочку возле калитки, прижимая к груди рюкзак. Из всех сил сдерживая банальное и такое девчачье желание разреветься в голос.

– Нет, ну где же я так... Столько, блин, счастья отхватить-то успела?! – тихо шепнула, забравшись с ногами на скамейку и уткнувшись носом в коленки. На душе было муторно, после того, как насмотрелась на всех пациентов и посетителей центра.

Учреждение хоть и было частным, но частично получало софинансирование из бюджета муниципального образования, принимая в своих стенах определённый процент льготников, выходцев из детских домов и приютов. И поступали они сюда порою в таком состоянии, что даже опытные врачи и медсёстры бледнели и судорожно стискивали кулаки. Что уж про простого студента говорить, пусть и навидавшегося за свою недолгую жизнь всякого разного?

Вот только это цветочки. Гораздо хуже мне от осознания открывшихся перспектив, обрисованных мне улыбчивым заведующим отделением спокойным, полным дружелюбия и сочувствия голосом. Невысокая, полноватая женщина средних лет, облачённая в кипенно белый халат, голоса не повышала, ничего не требовала, но вполне доходчиво объяснила, что через две недели закончится оплаченный мною срок пребывания в центре. Лечение должно продлиться ещё два месяца с лишним, чтобы закрепить достигнутые результаты и подготовить к новому курсу реабилитации и если я хочу...

Вздохнула и сжалась в комок сильнее, громко шмыгая носом. Если я хочу продолжить, если я хочу взять новые высоты, побороть диагноз и добиться того, к чему так долго и упорно стремилась, мне нужно всего ничего. Оплатить оставшуюся часть курса, добавив к и без того не маленькой сумме деньги на лекарства и дополнительные, не внесённые в программу курса процедуры. То есть, говоря прямо, к концу сентября я должна внести на счёт центра около двухсот тысяч рублей и цифра эта была далеко не окончательной.

Как сказала всё та же заведующая отделением, с таким нестабильным курсом доллара, стоимость услуг их организации варьируется чуть ли не ежедневно. И вполне возможно, что к озвученной шестизначной сумме может добавиться ещё пара десятков тысяч. Ну, может быть и уменьшиться. Или будет очередная акция, скидка, послабление или ещё какая-нибудь благотворительная чушь.

Только мне-то от этого легче не становилось. Даже если перетряхнуть все сберкнижки, карточки и записки, продать всё, что можно, к концу месяца я наскребу максимум тысяч сто. И то, это ещё бабушка надвое сказала. А где брать всё остальное?

Спрятав лицо в коленях, и закрыв глаза, я старательно давила рвущиеся наружу слёзы. И повторяла, твердила как священную мантру, что не надо, не стоит зря делать себе нервы. Что всё будет в порядке, я справлюсь, справлялась же как-то до этого и обязательно что-нибудь придумаю. Вот сегодня же, как только замёрзну окончательно и доберусь до дома. А там, как говорят, и стены помогают, правда ведь?

Уговоры действовали слабо. Пальцы дрожали, плечи сводило судорогой, в груди всё ныло и болело. И словно вишенкой на торте стало очень уж знакомое покалывание в районе лопаток, с левой стороны. Чёртова невралгия вылезла как всегда внезапно, непрошено и совершенно не вовремя.

– Вот же... – поморщившись, я осторожно разогнулась, рукавом толстовки стирая выступившие на глаза слёзы.

Мир тут же размылся, намекая на то, что своими действиями я сместила контактную линзу. Под веком неприятно закололо, вызвав новый слезоразлив и, плюнув на всё, я вытащила

линзы, бросив их прямо на землю. Поморгала, щурясь на размытые световые пятна, и выудила из рюкзака небольшой футляр с очками. Снова шмыгнув носом, нацепила окуляры на нос и...

– Да твою ж... – наблюдать за тем, как удаляется в сторону трассы единственный мой шанс выбраться отсюда затемно и без приключений, было занимательно. Особенно, когда на язык так и просились высказывания, подслушанные по случаю у группы филологов, осознавших всю глубину студенческого ада в который они провалились.

Вдвойне особенно, когда ты разминулся с маршруткой всего на каких-то две-три минуты, на такси денег нет и впереди у тебя только одна перспектива. Топать к трассе через огромную лесополосу, а после двигаться по дороге в сторону города, отчаянно надеясь добраться до дома хотя бы до двенадцати часов ночи.

И я даже не знаю, что мне из вышеперечисленного больше нравится!

Впрочем, есть во всей этой ситуации и положительные стороны. Реветь мне пока что перехотелось, зато ноги жутко чешутся попинать кого-нибудь. От души, как в старые добрые времена. А после махнуть с пацанами на озеро, на шашлыки и горланить всю ночь песни Горшка под гитару. Или Цоя, мне непринципиально.

– Вот же чёртова су... Сумасшедшая жизнь, блин, – поправив так и норовившие съехать с носа очки, чем-то смахивающие на неизменный атрибут жизни Гарри Поттера, я слезла со скамьи, зябко кутаясь в толстовку. И, нацепив рюкзак на плечи, поплелась вдоль дороги в сторону леса. Между ночёвкой у ворот центра и перспективой прогулки по ночному лесу я всё-таки выберу второе.

Тут хоть понятно, от чего помереть раньше времени изволишь. А о том, какие личности и в каком количестве бродить среди деревьев могут, в восемь-то часов вечера, я честно старалась не думать. Моя и без того богатая фантазия, помноженная на частично отсутствующее сумеречное зрение, и так на нервах играла, превращая невинный кустик во Фредди Крюгера, а дорожный знак в Джека Потрошителя в светящемся плаще.

Шла я неторопливо, тщательно вглядываясь себе под ноги и вздрагивая, когда ехавшая навстречу машина слепила фарами, выхватывая на обочине мою шуплую фигуру из темноты. В первые минут десять-пятнадцать в душе ещё теплилась надежда на чью-то добросердечность и желание помочь ближнему своему. Но когда фонари по бокам закончились, я оказалась нос к носу с перспективой брести по дороге дальше, с риском попасть под машину очередного гонщика, или срезать путь по лесным тропам, давно облюбованным местными собачниками и любителями походной романтики.

– Эники-беники, съели вареники... – потыкав пальцем в обе стороны, я подпрыгнула от неожиданности, когда где-то поблизости просигналила машина. И испугалась до невозможности, когда следом раздался заунывный, протяжный вой.

Вздвонув, я перекрестилась и, пробормотав себе под нос: «Кто попробует сожрать, подавится с первого куска», поспешила по видневшейся тропинке через лес. Отчаянно надеясь при этом, что незапланированный концерт исполняли дворовые собаки, засмотревшиеся на луну. Потому как если это был кто-то крупнее, опаснее и отзывающийся на прозвище «санитары леса», то меня не спасут ни достижения в беге с препятствиями, ни собственная худощавость. Косточками хищники тоже нисколько не брезгают!

Лесная тропа встретила меня пугающим полумраком, пустотой и странными, страшными звуками, раздававшимися из ниоткуда и пробирающими до костей. И чем дальше я уходила, тем больше ускоряла шаг, стараясь задушить поднимающуюся в душе панику. Я, может, и не трусиха, но плохое зрение делало своё дело, выдумывая из мелькающих по бокам теней страшных, мифических зверей и рисуя за каждым ближайшим кустом серийного маньяка, готовящего кровавый ритуал с моим непосредственным участием!

Но как назло, утоптанная дорожка щеголяла резкими поворотами и петляла среди деревьев. Длинные, разлапистые ветки цеплялись за одежду, кепку, рюкзак и очки, так и норовя

скинуть их с носа, окончательно лишив меня зрения. А о том, что каждые пять минут я запинаясь о торчавшие из земли корни деревьев, вообще молчу! И как только я себе ещё нос не расквасила-то, с такими успехами...

Где-то за спиной снова раздался вой и звук ломающихся веток. Замелькали маленькие световые пятна, причудливо расцветивая окружающее пространство и превращая низкие кусты в страшных чудищ, тянувших ко мне свои лапы-щупальца. И если поначалу меня это забавляло, то спустя ещё минуты три стало откровенно не по себе. Особенно, когда вой раздался совсем уж близко, не предвещая ничего хорошего от встречи с исполнителем этой задушевной арии!

– Да что б вас... – резко выдохнув, я ускорила шаг, а после и вовсе перешла на бег, продираясь сквозь кусты в сторону видневшейся где-то там, впереди трассы. И прокляла всё и вся, когда телефон, лежавший в заднем кармане джинсов, завибрировал и начал исполнять на весь лес ну очень заковыристую мелодию.

Господи, кто ж меня надоумил на входящие звонки поставить тему из «Призрака оперы», да ещё и с усилением басов, для пушшего эффекта?! Самому бы послушать это гениальное творение композитора посреди ночи в глухом лесу!

Тем временем вой и треск веток раздавался всё ближе и ближе, а телефон, как назло, не умолкал, нагнетая обстановку. Сердце судорожно билось в груди, норовя проломить рёбра и убежать вперёд меня. Адреналин бурлил в крови, добавляя скорости и ловкости, оберегая меня от падения в ближайшую яму. Вот только, когда впереди забрезжил просвет, в котором мелькали проезжавшие мимо машины, а в душе воспарила робкая надежда на спасение, удача взяла и отвернулась от меня. Ну точно как в Поттере, когда внезапно закончилось действие зелья удачи!

Я обернулась всего на секунду, отвлекшись на чей-то мужской голос крикнувший «Волк!». Всего на одну чёртову секунду! Но за это время нога зацепилась за очередной корень, а тело, подчиняясь законам физики, полетело вперёд по инерции. И успев только коротко вскрикнуть, я со всей дури влетела лбом в низко висевшую ветку.

Перед глазами вспыхнула плеяда звезд, а звон в ушах стоял такой, что заслушаться можно было. Рухнув на спину, я долго моргала, вглядываясь в святающиеся точки перед глазами и радуясь, что не грохнулась в обморок. Вот только когда мне на грудь опустились две тяжелых лапы, а в лицо заглянула огромная оскаленная пасть, капая слюной на шею я...

Я ойкнула и тихо пробормотала:

– Не ешь меня, я тебе ещё пригожусь... Наверное... – после чего благополучно потеряла сознание, впечатлившись внушительными клыками, замершими в паре сантиметров от моей тонкой шеи.

***

– Фу! Я кому сказал фу?! Отойди от неё ты, ужас летящий на крыльях ночи! И прекрати слюнявить её лицо!

Суровый крик хозяина лохматый пёс породы хаски стойко проигнорировал. Глянул снисходительно и принялся дальше активно принохиваться к волосам своей добычи, переступая лапами по груди и животу лежащей на земле девушки.

И громко, выразительно чихнул, уткнувшись мокрым носом в чужую шею. Потёрся пару раз, фыркнул и, стянув с головы девушки кепку, начал прыгать с нею в зубах по округе. Ещё и хвостом вилял как пропеллером, а на морде было написано чистейшее удовольствие от проделанной пакости.

Угрызениями совести конкретно этот домашний питомец не страдал от слова совсем. Да и искренне считал себя вправе делать всё, что захочется. Он её учуял? Учужал. Догнал? Догнал. Повалил? Повалил. Всё, теперь эта кепка его личная добыча и мнение всяких там людишек пса не интересуют, ну вот совсем.

Даже если этот человек его непосредственный хозяин.

– Наглая собачья харя, – тяжело вздохнув, парень закатал рукава свитера и, потрепав сидящего у его ног пса, направился к лежащей без сознания девушке.

Этот пёс за действиями собрата следил с немой укоризной во взгляде пронзительных, светло-голубых глаз. И даже не шелохнулся, когда первый начал наворачивать круги вокруг него, дразня зажатой в зубах красной кепкой. Добытчику такое игнорирование собственной персоны не понравилось.

Бросив кепку на землю, он боднул головой в бок товарища, уселся напротив него и вопросительно тявкнул, склонив голову набок. Пёс скучающе зевнул, не проявляя никакого интереса к происходящему. Только хвост едва заметно дёрнулся, самым кончиком. Любитель кепок это заметил, да. Припал на передние лапы, уши прижал, напряжился и...

Оказался сбит с ног третьим псом, выскочившим из-за кустов, в компании ещё двоих, одной расцветки, двигавшихся так, словно они – единое целое. И вот уже на небольшом пятачке образовалась куча-мала из поджарых, сильных, собачьих тел. Хаски порывивали, взвизгивали, лаяли, толкались, боролись, кусались...

И пытались стащить друг у друга ту самую красную кепку. Правда, отобрать эту шапку у того, кто её спёр, им пока что не удавалось. Так что шумная собачья возня продолжалось, постепенно набирая обороты. Лишь один из псов в ней так и не принял участие, продолжая с самым надменным и одновременно страдальческим выражением на морде сидеть на месте. Иногда в его взгляде чудилось искреннее недоумение на тему: «Что я тут забыл?», но сам хозяин своры списывал всё на собственное излишне богатое воображение.

Или нет?

Тряхнув головой, парень вздохнул, присев на корточки перед растянувшейся на земле девушкой. Острый нос, пухлые бледные губы, чуть впалые скулы и общие следы недосыпа на всём лице. Копна тёмных волос рассыпалась по пожухлой листве, пушистым ореолом окружив голову несчастной. Плотная толстовка местами намочена, обросла мусором и пятнами грязи по всей поверхности. С трудом, но на ней можно было опознать потрескавшийся принт какой-то рок-группы.

А ещё девица была худюшей, в рваных, не менее старых джинсах и совершенно не подходящих для осенней промозглой погоды кедах. При тусклом свете луны напоминала больше жертву Освенцима, чем среднестатистического подростка. И куда родители только смотрят-то, отпуская это чудо одну, да ещё и через лес?

– Ну и что мне с тобой делать-то? – несколько растерянно протянул парень, взлохматив кудрявые волосы на затылке. В бок ткнулся мокрый собачий нос, а на грудь девушки упала её же бейсболка. Изрядно пожеванная, извазюканая в грязи и собачьих слюнях. И даже порванная. Небольшая дырочка явно след от чьих-то острых зубов, а не старая метка!

– А вот это было совсем не обязательно, – погрозив заинтересованно следившей за ним стае пальцем, молодой человек всё-таки решил не оставлять жертву своих питомцев в лесу. И, страдальчески вздохнув, подхватил на руки слишком уж лёгкое тело.

Путь до двухэтажного аккуратного коттеджа, расположенного на самом краю лесополосы, был не так уж и долог. И хозяин своры оптимистично надеялся, что сумеет быстро вернуться обратно, пока жертва любвеобильности его собак не пришла в себя. Уж больно не хотелось объяснять, куда он её тащит, зачем и что вообще тут происходит. Он даже честно (правда-правда) пытался нести девушку аккуратно, осторожно. Но хаски, решившие, что хозяин мало-вато внимания им уделяет, принялись прыгать, мешаться под ногами и таскать друг у друга многострадальную кепку.

А тот самый, что так напугал незнакомку, со звучной, доброй кличкой Волк, гордо шествовал в стороне от всей пушистой братии. Он нёс в зубах рюкзачок, рычал на всех, кто нему приближался, и честно считал чужую сумку своей законной добычей. Молодой человек,

глядя на эту хитрую морду, с лукавым прищуром ярко-синих глаз, всерьез предполагал, что вернуть имущество законной владелице будет...

Проблематично. Ну по меньшей мере. Так что до дома они дошли минут за пятнадцать, против обычных пяти неспешным шагом. Попутно чуть не растянувшись вместе со своей ношей после очередного кульбита парочки неразлучников, шоколадного окраса с белыми пятнами. Они так и норовили почесать спину об ноги собственного владельца, а то, что он при этом шатался, как берёза на ветру, псов не очень-то интересовало.

Открыв калитку ногой, парень прошёл во внутренний двор, тут же наполнившийся движением, суетой и радостным повизгиванием стаи, решившей, что с ними хотят ещё поиграть. Чтобы хоть как-то занять друзей своих меньших, молодой человек пнул в сторону валявшийся под ногами мячик для тенниса. И поспешил пройти в дом, пока свора отвлеклась на игрушку. Правда, Волк, тащивший в зубах рюкзак, умудрился просочиться следом за ним, чуть не сбив хозяина с ног. А второй, тот самый, невозмутимый Север, дождался, пока владелец войдёт, придержит за собой дверь и с достоинством, неторопливо прошествовал через коридор напрямиком в гостиную. В зубах у него была та самая ярко-алая, уже потрёпанная, потерявшая всякий вид кепка.

Кажется, девушке придётся не только всё объяснять, но ещё и новую деталь гардероба покупать. Дабы компенсировать, так сказать, моральный и материальный вред.

– Совести у вас точно нет, – привычно буркнул парень, захлопнув дверь ногой. И прошёл следом за парочкой пакостников, невольно крепче прижимая к себе свою ношу.

Удивляться поведению хаски он перестал спустя полгода после того, как решил завести себе домашних питомцев. И только вздохнул, обнаружив сладкую парочку заводил всей стаи растянувшимися во всю немалую длину дивана. Оба устроили перед собой свою законную добычу, оба поглядывали на мужчину снисходительно. Только Волк то и дело порывался хвостом вильнуть, но смиренно опускал морду на тихое порывание светло-серого, с серебристым отливом Севера.

Покачав головой, хозяин дома устроил свою невольную гостью в глубоком, мягком кресле, подложив под голову небольшую подушку. Убрал с лица тёмные пряди волос, осторожно коснулся свежих царапин на скуле и наливающегося синяка на лбу. Пальцы задержались на бледной, почти прозрачной коже щеки. Желание щёлкнуть девушку по носу было просто непередаваемым, и он невольно хихикнул, расплывшись в мягкой, солнечной улыбке. Чтобы вздрогнуть от недовольного, настороженного и очень гневного шёпота:

– Лапы прочь от частной собственности!

Псы ехидно твякнули со своих мест и устроили морды на передних лапах, пряча под густой шерстью честно украденные вещи. А на самого невольного спасателя подозрительно смотрели огромные серые глаза. Шурились чуть, сверкали гневно и, кажется, этот самый взгляд не сулил молодому человеку ничего хорошего. Во всяком случае, в ближайшие пару минут точно.

***

Приходить в себя в незнакомом месте, в неизвестной компании, да ещё от того, что кто-то настойчиво тебя щупает, было, мягко говоря, непривычно. Особенно, когда мозг, отошедший от коматоза, начинает неистово сигнализировать о том, что единственный допущенный к телу человек никак не мог оказаться в центре леса в этом микрорайоне. Во всяком случае, случайно точно не мог.

Это если, конечно, Череп ничего от меня не утаил, когда экспресс-допрос на тему личной жизни проходил. Что сомнительно. Толя был человеком талантливым, блефовать в лицо превосходящим силам противника умел только так, те лапшу снимать с ушей не успевали. Вот только все его обаяние куда-то внезапно девалось, стоило ему попасться на глаза отчиму или мне. Чем мы периодически и пользовались.

Ну так вот. Черепа тут точно нет, другим себя лапать я не разрешала, а значит, вывод может быть только один. Поздравляю, Мирослава, ты – вляпалась!

– Лапы прочь от частной собственности! – впечатляющий рык получился сам собой, вот честное студенческое. Но руку от моего лица убрали, и я с трудом, морщась от головной боли, разлепила глаза, сощурившись подслеповато.

Отсутствие очков жизнь не облегчало, ни капли. И лицо человека напротив никак не желало складываться воедино. Пришлось с недовольным вздохом рукой подтянуть уголки глаз к вискам, чтобы понять, где я, с кем я... И какого чёрта тут вообще происходит!

– Кхм... – пятно напротив наконец-то обрело хоть какие-то очертания. И я с удивлением опознала в своём потенциальном маньяке-убийце то самое кудрявое недоразумение, с которым не так давно столкнулась на лестнице во втором корпусе.

Милое такое недоразумение. Улыбчивое, с ямочками на щеках и копной каштановых кудряшек на голове. С по-детски невинными голубыми глазами и озорным, лукавым прищуром, чем-то придавшим лицу парня сходство с лисой. С лисой, смотревшей на меня одинаково любопытно и виновато.

– Здрасьте, дяденька, – медленно протянула, усаживаясь поудобнее в уютном, мягком кресле. И потёрла гудящую голову, явно не оценившую встречу с деревом. – А могу я поинтересоваться, чего это вы маленьких девочек по лесам ловите, да в своё тайное логово тащите?

Парень на такую постановку вопроса аж воздухом подавился и закашлялся, явно проглотив приготовленные объяснения. А я вздрогнула, когда сбоку кто-то негромко тявкнул, с непередаваемыми насмешливыми интонациями. И, резко обернувшись, ойкнула, вжимаясь в угол кресла, когда с трудом, но всё же смогла разглядеть двух огромных псов, неопределённой породы. Зажмурилась, ущипнула себя за щёку, охнула от боли и снова сощурилась, разглядывая зубастую живность.

Псы прочно оккупировали огромное спальное место и, заметив, что всё внимание направленно прямо на них, уши к голове прижали и спрятали морды под лапы. А когда ещё и сам кудряшка погрозил им кулаком, издали такой громкий, страдальческий вздох, что мне их невольно стало жалко. Самую капельку.

Себя всё-таки было жалче. Потому как чует моя бедная, дрожащая душонка, именно эти два телёнка меня и напугали в лесу. Да так, что зубы до сих пор рваный ритм отбивают!

– Я надеюсь, жевать меня никто не собирается, нет? – ляпнула, не подумав, закрывая ладонями лицо. – Я не вкусная. Я костлявая, худошавая, вредная... От меня изжога будет, гарантирую! Если поперёк горла не встану!

– Они у меня воспитанные. Всякую пакость в рот не берут, – не выдержав, рассмеялся парень и... Щёлкнул меня по носу и, выпрямившись, вновь солнечно улыбнувшись. Да так, что я, подглядывая сквозь растопыренные пальцы, невольно засмотрелась на него. – Ну что, Красная Шапочка, чай будешь? Горячий? А то, мои негодяи тебя тут напугали вроде как. Нужно компенсировать нанесённый моральный вред!

– Твои... Кто? – голова после удара всё ещё туго соображала. Но глянув сначала на диван, потом на смущённого и виноватого кудряшку, я наконец-то сумела сложить два и два.

И даже получить правильный результат. От которого захотелось постучаться головой о ближайшую твёрдую поверхность. Жаль, нельзя, и так уже на всю свою светлую макушку ушибленная. Пришлось вздохнуть скорбно, сложить ручки на коленях и обречённо поинтересоваться:

– Так это твои... Милые пушистые создания обеспечили внеплановую проверку дерева на прочность?

– Ась?

– Ладно. Перефразирую. Это из-за твоих собак я в дерево неосторожно врезалась? И только чудом не поздоровалась за ручку с товарищем Кондратием?! – возмущённо засопела, выстукивая пальцами нервную дробь по колену.

На лице милого кудряшки вспыхнул румянец, переползая с щёк на кончики ушей. Парень вздохнул, почесал затылок, взъерошив и без того пышную копну. После чего выдал, разведя руками:

– Они просто хотели познакомиться. И поиграть. И... Ну и что тут поделать? Так что, чай будешь?

– Горячий? Сладкий? С вкусняшками? – подозрительно сощурилась, глядя на это чудо. Злиться на него долго не получалось почему-то, как и на главных виновников всего случившегося, тихо тьяккавших с дивана. То ли они хозяина так защищают, то ли себя оправдывают...

Понятия не имею. Вот только злиться на них уже не могу, да. А когда один из псов неторопливо сполз с дивана, потягиваясь и зевая во всю пасть, и подошёл ко мне, положив голову на колени и заглядывая в глаза...

Ну вот как тут устоять-то, а?!

– Буду, – буркнула, зарываясь пальцами в нежную шёрстку, поглаживая наглого представителя собачьих по широкому, покатоному лбу, за мягкими, длинными острыми ушками. Спускаюсь на загривок и шею, перебирая пушистый подшёрсток.

Склонила нос к носу прямо к пронзительным светло-льдыстым глазам. Пёс на проверку оказался хаски. С серо-серебристой шерстью, умным, внимательным взглядом и титаническим спокойствием, написанным на его морде большими буквами. Он не шевелился, замерев в одной позе и явно позволяя себя гладить. Лишь щурился иногда от удовольствия, едва заметно помахивая хвостом.

– Чудо, – невольно улыбнулась, наплевав на инстинкт самосохранения и уткнувшись носом в густую, пахнущую лесом и хвоей шерсть. – Чудо ты... Подлючее. Но симпатичное, да... И хорошее. В отличие от твоего хозяина...

– Эй! – возмутился кудряшка, так и стоя напротив меня. – Я-то тут причём?

– А кто в логово заманил, чай предложил... Но не принёс? – хаски, устроившийся рядом со мной со всеми удобствами, громко насмешливо фыркнул. И ткнулся холодным, мокрым носом в моё запястье, ненавязчиво так напоминая о продолжении. Ещё и уши прижал, чтобы вид был жалобный и сиротливый. Прелесть, правда же?

Хозяин «прелести» моего умиления не оценил. Глянул на одного пса, потом на второго, что-то усиленно жевавшего лёжа на диване и... Махнул рукой, скрывшись в неизвестном направлении. Только пробормотал обиженно что-то о том, что инициатива всегда любит инициатора. Тоже мне, Америку открыл!

– Странный он у вас, – задумчиво протянула, возвращаясь к почёсыванию, поглаживанию и прочим прелестям общения с четвероногими друзьями. Хаски согласно тьякнул, млея под моими пальцами. А я...

Я же, чувствуя, как меня отпускает пережитое нервное напряжение, а руки перестают дрожать как у алкоголика в период непрерывного запоя, задумалась над извечными вопросами всех времён и народов. В смысле, озадачилась тем, что случилось, кто виноват и что со всем этим мне теперь делать-то?

Пробег по лесу стоил мне в перспективе очков и телефона. А это новые расходы, разоряющие и без того небогатый, порядком дырявый бюджет нашей маленькой семьи. Не спорю, это неплохой способ поменять гаджет, заказать новые очки и пересмотреть гардероб, на что у меня вечно не хватает сил, времени и средств. Но не так же внезапно и радикально!

К тому же, при попытке сделать что-то для себя, меня банально душит жаба, напоминая, куда я могу вложить и на что потратить имеющиеся свободные средства. Так что ничего бы со

мною не случилось, походи я ещё пару лет в старой, не модной оправе на пол-лица, щеголяя раритетным телефоном. Впрочем...

Тут я почесала бровь, проведя пальцами по спутанным волосам. Это-то как раз поправимо, причём без особых проблем. С трудом, пиная обнаглевшую жабу и раздутого внутреннего хомьяка, но всё же поправимо. В конце концов, никогда не поздно наступить на горло собственным принципам и попросить помощи у Толика. Череп всегда попрекает тем, что я проявляю излишнюю самостоятельность к месту и не очень. За возможность хоть как-то помочь ухватится, как бульдог за зад незадачливого воришки, пугая окружающий мир своим счастливым оскалом.

Тихо фыркнула, сдувая с носа прядь волос. Другой вопрос, что большего я ему просто не позволю. И вопрос, что делать со всем остальным, когда накопления исчезают со скоростью света, платежи сделаны далеко не все, а врачи заломили такую красивую цифру за оставшийся курс лечения, встаёт просто таки ребром.

Ума не приложу, как из этого выкручиваться и чего мне это будет стоит! Не себя же на органы продавать, да? Хотя...

– Приплыли... – откинувшись на спинку кресла, зажмурилась и медленно сползла вниз. – Не, Мирослава Батьковна, мысль, конечно дельная, да... Идиотская, самоубийственная, но дельная. И не лишённая, опять-таки, налёта авантюризма. Но скажи мне, краса ненаглядная, кто ж тогда тебе опеку оставит-то? Инвалиду, с уголовным сроком за спиной и отсутствием нормальной работы? И если даже оставят, чем чёрт не шутит-то в нашей стране, как ты Даньку-то поднимать планируешь, дурында?!

Возмущения были чисто риторическими, ответа или какой-то реакции не требовали. И если уж всерьёз размышлять над извечной проблемой «Где достать деньги?», то вариант-то собственно всего один. Искать работу. И чем скорее, тем лучше, ведь будет возможность получить кредит в нормальном банке, не связываясь с всякими сомнительными предприятиями.

А то идеи, навеянные отечественными сериалами, по уровню наивности и нереальности давно переплюнувших Мексику с Бразилией вместе взятые, до добра точно не доведут. До полиции вот доведут, а до добра точно нет!

Звон посуды и тихие, но эмоциональные высказывания на незнакомом языке оповестили меня о том, что в комнату вернулось кудрявое чудо. Он же владелец дома и собак, пытавшийся не уронить на пол огромный поднос, заставленный тарелками, кружками, вазочками и...

Большим, пузатым, стеклянным чайником. Я такие только в одном псевдо-японском ресторане видела, где официанткой работала. Их использовали в подобию чайной церемонии, радуя посетителей редкими сортами чая. С ближайшего рынка, конечно же. Но об этом администрация и сотрудники тактично умалчивали.

Глядя на пошатывающееся размытое пятно, честно тащившее поднос, я только уважительно присвистнула, прекрасно понимая, как сложно осуществить такой финт ушами. И поморщилась, когда вся эта монстроподобная конструкция приземлилась на низкий журнальный столик, едва не погребя его под собой.

Хаски даже ухом не повёл, продолжая млеть под моими пальцами. Только выразительно глаза на меня поднял и тихо фыркнул, вновь жмурясь от ласки. Кажется, его поведение собственного хозяина только позабавило, не больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.